

смена

№ 24 [1950] ДЕКАБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Новым годом, дорогие читатели!

Юрий РЯШЕНЦЕВ

Гора с человеческим профилем

Природа профиль высокает,
и вот накрываю онтбром,
как струйки дымы, он вскакует
туск из губ — на оковы.

Его синистые дыханье
летят на встречу рыбам.
И морской берег с потрохами
принадлежит одним нырякам.

Иду я по пути — нату писом.
Сажусь за дело — не идет...
Но мы на всякий раз зависим
от мелких выездов и навигод.

С чьего там славного почина
округла радости полно?
А если радость беспричинна,
то уж не счастье ли она!

Есть спут, что деньги, как и сплава,
вредят нам. Если он не миф,
то я не удивляюсь, право,
себя счастливым ощущаю.

Кому ни отдашь, ни скона
от зависти, а мне — покой,
во мне ни светлой, ни высокой,
ни благородной — никакой.

Но это не самодовольство,
и озарение, зину!
Дышу! Гляжу на рыбье войско,
корыщающееся на плаву...

В воде — сада обуза,
со дна — всеврез и не шутя —
восходит бледная медуза,
спасая отшельникам света.

Ноинк насторопленной смиз,
источник света в пять крачек,
онка стартается, как в линзе,
собрать в себе весь блеск лучей,

что ей отчасти удается...
Она напоминает, о днах у старого копоща
с водором, светящимися на дне...

Губастый профиль, старый дока,
и духод ведом и сном,
зачем возник и генодома
на нашем широке, землю...

Увидим ли снова? Тре тан...
Но всегда срдь зинок лиц
вот это — дышащее светом
и выдыхающее птиц.

Истопник

Ночую в сельском клубе.
Жара впопает, звон... —
это звонок, и истопник
стремится для меня...
Это мой новый друг — истопник.
Срок нашей дружбы немал.
Он мне цепь пачер душу свою
матущуюся

на сивых своих ветрах.
На маленькой сцене,
где я привык счастиям страдать,
муж свою открыл членов,
открыл — стебе одному.
И я его понял.
Белой пчелой
стучалась метель в стекло.
И вот он теперь, чем умеет —
пллатят мне
за тепло.

Борис АБСАРОГ

Простота

Во мне танцует простота.
Тысячелетия танцует.
Она бонится,
сплють птица,
сплететь с присеста
в холода.
Она стремится выйти к людям,
личину кривла.
Кин откровения и кругла
земля,
очерченная клювом!

Возвращение

Мы люди.
Мы живем посланино.
И офтаемо живем.
Но присущдается посмертию
на то,
что связано с инильем.
Но, прерывая эту связь,
и отделяясь от инильца,
становимся
мудрей и чище.
И вот, пронести
в пространство,
проникнутые бытнем,
мы, возвращающиеся — бесстрастно...
И вскрикнет
материнский дом.
Дом безымянний.
Светлый дом.

На этом развороте — стихи молодых поэтов, которые впервые, в самом начале пути, напечатались в «Смене». До сих пор читатели пишут нам о поборках Галии Гантер и Нины Грековой. Интересуются судьбой Николая Красова. Справщик, скоро ли выбьет книгу Бориса Автогена?

Вот и сейчас вновь появляются поэты в «Смене».

От «первой землюшки с потом к первой книжке» — так можно было бы назвать эту подборку. У Галии Гантер книжка уже вышла. Готовятся к изданию в «Советском писателе» и «Молодой гвардии» сборники стихов В. Леоновича, Ю. Смирнова, Ю. Ряшенцева. Мы радуемся вместе с читателями, что открытие «Смены» новых имен оказалось плодотворным. Каждый из этих поэтов по-своему талантлив и способен.

НИНА КАЗАКОВА

Юрий СМИРНОВ

Снегопад

Что это? Что это!
Это снег за окном.
Кто это, кто это
В этом снеге иночом!

Это всадники скачут
На взмеженных конях,
Хлынут снега — летают
На мох подсолнечник...

Это Герда скользит
По озерам Лапландии,

И в косичках ве,
Словно Бабочки, бантинки...

Это трантом таинны
Летят лесовозы,
Пробивая к теплу
Через зимние грозды...

Я спросил у тебе:
«Что там — в тебе иночом?»
Ты ответила мне:
«Снег идет за окном».

Сыновьям

Над сосновой звезды начиняется.
Ближе к дому живется сад.
Ночь на свете начиняется.
На мансарде дети спят.

Душно им в нагретой комнате,
Огоплюсь плено.
Сыются мы, наверно, конники
Или кто-нибудь еще...

Завзвено на веранде,
Простучала «яяяя»,
Бромы, сплюю по команде,
Оглажись дальнин лес.

Затрая будни, руки со стряпами,
Встав пораньше, мастерить.
Сыновья должны быть смелыми.
Пригодится, может быть,

Идет военная игра,
Бежим вперед, Кричи «ура»,
Но это после. До момента.
Когда ирку я на бегу.
Саперных двадцати три студента
На залынин лежат пут.
Перед залынином лежат
С привычной выправкой воинской,
Одной рукой брагет достал
Со звоном, точности отмеченной.
Другой рукой он махнул
И ход событий повернул.
Ракета всплынула, погасла,
Шип, как огнь, попавший в масло.
Тут приключилась канонада.

Граница

В крови по глухие удары.
Иль смышился дальний набат,
Читай взхлеб мемуары
Потом, послов и солдат.

Уместно сравнение с пеклом
Переднего хреба войны.
Как призрак, над пражом и пеплом
Огубленный стервене сосны.

А ныне идент оживленные
На стертых торцах площадей.
Обычное жизни течение
Влечет и волнист подъем.

Но мир не спонен на деле,
Ложкаторы шупают высы.
Границы — как раны из тела,
Как будто бы швы разошлись.

Колебля связь земных перед,
И мощный звуков колоннада
Себой подперла небосвод!
Во мне сомнения вовсе нет,
Вперед мечу в взрывапект.
Читатель малопониманный
Из земли, из земли, из земли.
Селитрой тело начиненный,
Танк в себе он грам и сирад.
Противник отступал послешно,
И, вероятно, потому
Мы продвигались так успешно.
Как только мыслилось уму.
Бенки вперед, Кричи «ура».
Поня все это лишь игра.

Со югу, к югу без оглядки,
Голова хмельная шелестит.
Холмы покрассились, как птицы
От синихиня долгого пути.

Дважды раздунут по сердцу
Так нынче, так поперек!
Бот-бот надгреснет и покосится
Моя наспех спакенный мир.

Развалился по всем скрепленям
До досок, до черепка.
И я в предчувствии крушения,
Как бы в предчувствии прымка.
Ах, небо! Ты опять мне синясь,
Ты мне не синясь столько лет!
А небо раненой птицей
Волочит крылья по земле.

Что рыбалову без улова,
Я это морю не прошу!
Что море мне — мне нужно слово:
Я не куплюсь — я щуку.

Монс сбывает с толку птица
И исчезает вдальне.
И мне опять в сраженных биться,
Как вашей рыбе на крючке.

Николай КОНЕВ

Говорить надоело казенно...

На привычные темы говорить
надоело казенно,
И неприятно звучит: «Интересно»,
«Атомные вены».

Из весеннего леса капризно
Боют колоколенок,
и беззвучаны его одинокий бег.
В скока атомных станиц легко

уместились герань.
Луг заструнил густо. Он бесследно
исчез...

Не хватает любви и канц-то
обсыпки гарантин
Чтоб, как лучше чувства, созрели
и нызывающий лес.

А колоколенок в лесу, как ребята
с насыщенным капризом.

Зимует либо в лесу на
одном из сраженных стволов,

И весенний волк-лесник
ощутимо пронизан

Тем, что высказать нет уже слова.
Что-то волкое высматривает северу
птицы базары.

Что-то склонят цветок нам, пока
не исчез,

Но ничего нам не склонят солнце
с радио, трахотом, тары,

Что могли бы вместить то, чём
полнился век.

Потому и не хочется говорить
о привычном казенно.

Потому и становится вакханами,
Выразительно скучающей дикими

голосами, как дар,
Говорящий о многом на северах

птичий базар.

Владимир ЛЕОНОВИЧ

На Первой Брестской

Я это дерево давно приметил,
и часто, проходя по Первой
Брестской,

я останавливался, чтоб его
погреть, на коре суховой, просто
подумать...

Там мы подружились, но
оно росло, кренившись на мостовую.
Железная природа постаралась:
нас будто бы хотели, чтобы вадуты
и вывернули темные сутулы
а вынынки летяг, назомы же
о драмах бытия кричали криком —
и если бы не свежая листва,
сиявшая при каждом солнце,
при каждом дождике,
он бы глядел бы мрачным,
мой деревенский и мопасный друг.

Кренилось дерево, далеко
отстранившись
от каменной стены, и этот крен
изменил характер дерева
и говорил про коры дерева.
Надежною было архитектура
корней, тяжелой кроны и ствола.
Как будто конь Петров над камином,
над улицей оно наисвисто.
— Ты хочешь прыгнуть, дерево? —
я спрашивал его.

— Ты хочешь прыгнуть, —
я отвечал, — ты подожди...

Когда-то
был неконек пуговецатых вяз
был неконек и прямой стволок
оградкой взят, цилиндриком

Потом цилиндр этот покосился
ствол двадцатилетней сплошной,
потом облег тринадцати лет ствол
рубашкой тесной, душистой,

а потом

тромя склоном обрушился и
вонзил в кору, местами утопая
в подтапливаемом дровесном теле.
Так утопает обручальное кольцо

с годами в пальце женщины.
Тройное,
тройное обручальное кольцо
то дерево несло. Два разошлись,
расступились, не выдержала клепка,
что и не видно, цено ли оно,
столь равностное в слупе удашенья.

Рисава, не стволя винт оградка,
как старые лотомы, без боленъя

на них гляну я. Верхнее кольцо
еще, быть может, тужится, хлюпает...
Его не знаю, знать, мэр размет
ноготрямко восходящий ток.

А разоряет мэр размет —
какая разница!

Мальчики революции

Суровы, правды, светы и лабости —
не вас эта мета
особенной насты.

Невольники истины,
вечные дети
иден... Без эз
потемнеет на свете.

Вы соль у земли,
вы хорошие лучше.
Вы головы соль —
это горы и жигуны.

Вы — напоминание
старинной святини,
как прежде, как завтра,
светящейся ины.

Кузнец пошлал расправить
жилу линию краято.
Он стал в огне ее калить
он брал кувалду, торжеству...

Но, раскликавшись добела,
она, крикая, могла
и не умела расправиться,
и ей осталось раздробиться.

И малая ее частица
была, как сопышико, кругла —
и быть иною не могла.

Нина ГРЕХОВА

Ты любишь свою разделенность
два дома —
в каждом доме и тепло и благодать,
и в каждом — винь и оконо,
так под бородой
и заката, им рассвета не видать.
Говорят, она осталась в доме третьем,
и нельзя тебе забыть никак.

Может, это ты ее сегодня встретила,
разминулась на калиновых мостках,

И прошла она, прямая, как по плаке,
по середке,
не левой и не правой,
а глаза ее, как пойманные птицы,
посмотрят панно из-под бровей...
И исчезло все,
и вспомнили —
и двадцатые и сороковые века
только ветер ходит запахом полини
по цветам ее лазорева платка...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок третий

24

[1960]

Выходит два раза в месяц

ДЕКАБРЬ 1966

Слово о „стыдѣ“

Э. ЧЕРЕПАХОВА

Фото А. ЛЕХМУСА

Три раза ездил Костя Федоров в большой город за удачей и три раза возвращался ни с чем: в институт не принимали, на завод — с общежитием тоже отказывались. Устроиться не просто.

Был он небойкой, молчаниной парень, где ж ему... Вот и вернулся, привез матери оренбургский платок, проданный перед последней Костиной попыткой, вернулся угрюмый и голодный, с твердым решением никуды больше с места не двигаться. Решил так из-за матери, больной и однокожей, а не хотел бы с избранницами податься или по комсомольской путевке в дальнюю месту.

Мать в тот же вечер плакала у соседки Галины Андреевны, и Галина Андреевна сказала:

— А пусть-ка у нас послужит... Салон мы открохали — вол! На всю область... Секретаря района не открытии строго... Приватизацию! Правда, прошу, чтобы без фантазий, просто воспроизвести старый вариант...

— Да разве это мужское дело? Я все металась: на инженера или там врача выучится, — ответила мать — Нет, он не согласится, он, у меня, знаешь, какой характерный...

Костя и правда ответил матери с горечью:

— Служить бы рад, прислуживать — ся тошно... Нет, мама, я лакейка не пойду, крутиться возле каждого, кипятком угодывать, что я, чокнутый? Вон на станции гручинки требуются — пойду туда.

Мать подумала о тяжелой, грязной работе, о суточных группах, мазерящихся головами, о привычном буфете, где они, верно, окаплививаются, между свободными минутами, и снова заспакала. Парикмахерская налезлась ей более чистыми и безопасными местом для мальчика, но внутренне она гордилась мужественным решением сына.

— Да меня тут рабочая засмеют, если я в кресле чургов салона... — со-развивши краинку Кости.

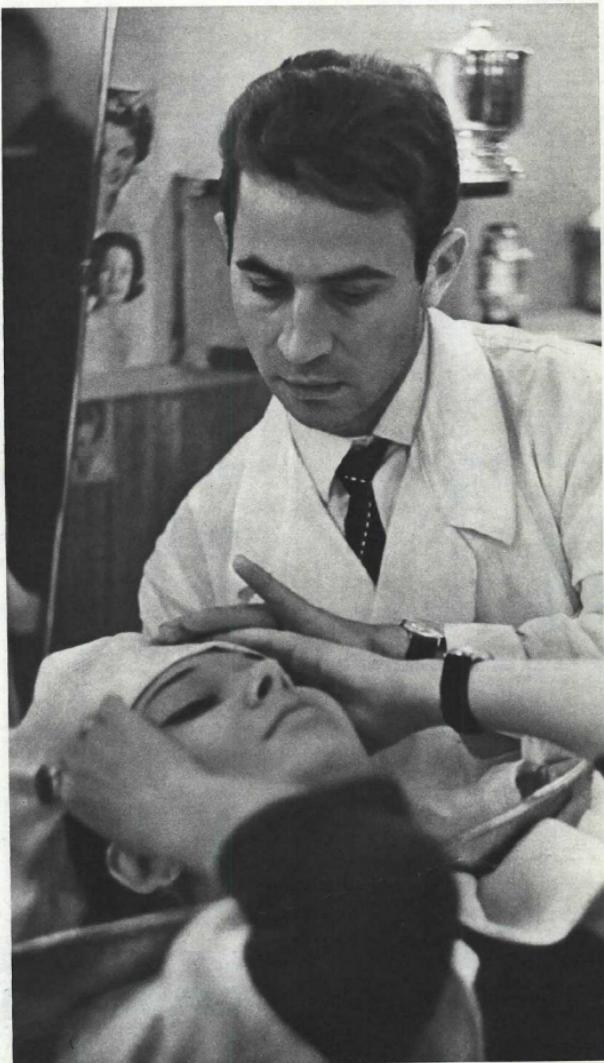
Но тут Галина Андреевна с распылявшимися щеками и блестящими глазами сорвалась из коридора в комнату Федоровых:

— Значит, я лакейка, поварашка! Лакейка! Хорошо вы, Татьяна Яковлевна, сына воспитали...

«Профессор» парикмахерского дела
Валерий Юмашев во время операции.

Третий год работает комсомолка Надежда Пластик в отделе декоративных тканей универмага «Москва».

Одна из самых молодых метрдотелей Москвы — Валентина Охлонин.

НОВЫЙ ИМПОРТ РЕССАГИ

А разве это Татьяна Яковлевна? Одна только она!

Я в ту пору, как на грех, сидела в гостях в спор, грозящий перейти в перепалку. Галина Андреевна отставила дакик чайник, из которого собиралась мне налить чай, и требовала немедленного третьячка в суде. Я стала вспоминать, всякий раз погашая и что у нас удаляют людей любой профессии — и то и се, но тут Костина мать спросила меня в лоб:

— А своего сына отдали бы вы в парикмахеры?

Я подумала-подумала и созналась, что не знаю.

Словом, не пошла на стационар: «шпарик, кати, плоское тащи». Труд этот грубый, требующий физической выносливости и скорости, но никак не квалификации и образования. Считалось, что это временно.

Вот тогда я и стала задумываться: как же так! На парикмахеров сейчас в специальных училищах учат, экзамены проводят, а парикмахерские, которые называются конторами, там разные, обмен опытом с заграницей — стеклянные салоны, белые халаты, как в НИИ, приборы разные и здрав: «Засмеют люди... лакейство...» А грузчиком ничего, нормально... Потому?

Вспомнила я недавнюю сменовскую анкету для выпускников: «Кем хочешь стать, когда окончишь школу?» Студенты, которых только профессии не называли: физики, математики, инженеры, педагоги, астрономы и даже егери... Но ни один не связал в мечтах своего будущего с парикмахерской, рестораником, химчисткой. Стыдно! профессии второго сорта.

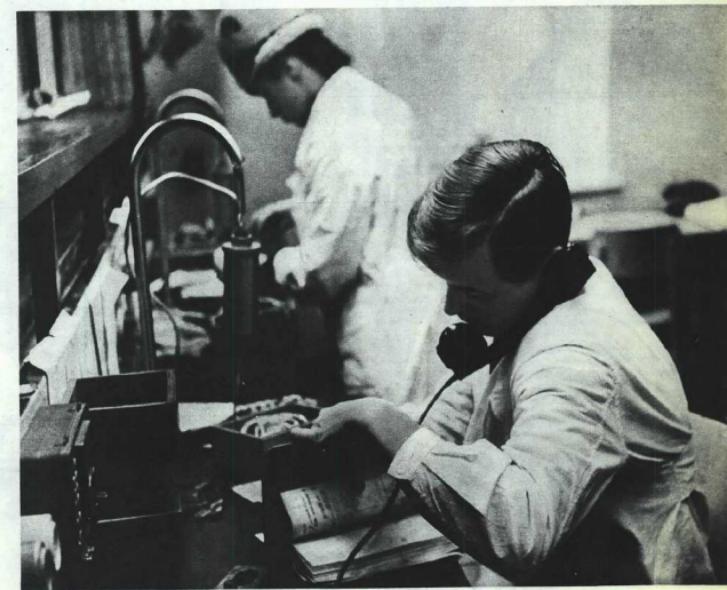
Впрочем, одно письмо было — из города Барановичей, присланное его Лобой Полониной. Написала так: «Чтобы выясненному-то заинтересовалась работа повара. Я много картин рисовала перед своим воображением, как я работала поваром, плюс к этому романтичность и совпадение с фамилией... И я поступила в работать учеником повара... И разочаровалась. Сосем, конечно, не оказалось, но редко в жизни ты ее разузнаешь, не сидишь в мыслях. В итоге... Я хочу поступать учиться в Институт геодезии и картографии, жить настоящей, интересной жизнью».

Итак, о профессии повара девушка упоминает стыдливо, что не определилась... «Почему-то я не могу определиться, что же мне делать...» — это старший преподаватель, которая легкая, по ее мнению, до-то очень далеко от той сферы, с которой чуть было не оплошности не связала свою судьбу.

Существует прочное мнение, что эта сфера для тех, у кого нет «серьезных планов» или не обнаружено талантов, и вообще для любителей легкой жизни. Принципиально в себе «абсолюзора» непочтительно вот и весь сказ. Да что непочтительно — стыдновато. Особенно не в большом городе, где легко затеряться, найти работу в «чучком районе», а в малых городах, где ты на виду у знакомых и соседей. Мода на профессии — это не всегда шапка. Утешение предупредило не обольстившую под волниами мнений, споров, вихусов прощущаяся с железней фундамент сложившейся экономики.

Наша экономика в силу многих причин складывалась до недавних пор таким образом, что накопления, адресование, если можно так выражаться, отдавалось производственным промышленным потреблениям, и сфере услуг, туда попадали чрезвычайно урезанными. Тяжелая промышленность была средоточием финансовых, финансовых и нравственных усилий.

Да, было время искреннего аскеса-

С покупкой вас!
Это Зои Пажитева — продавец ути-
вермага «Москва».

От малой механизации мы зависим
ежечасно. Мастер ателье по ремонту
электробритв № 32 Слава Мильевский.

тизма людей, которые предпочитали ходить в рваных калошах, небритьи и голодные, но учиться делу у широкарно одетых и сътых на наши деньги иностранцев спбцов; было естественное пренебрение к тем, кто вместо того, чтобы сомнить в революционности технических новинок, подозревал за социалистическую промышленность, пристраивалася, допустим, обслугивать излишков; это же минуто, все остались позади. Остались позади и война, когда стальная пружина народной воли распрыгивалася и била в одну только точку... Пришли те времена, и после долгих лет танковых походов, когда вспомнили, что после всего, что перенесли и вынесли люди, потребность во вниманием, повседневном, бытовым вниманием, конкретном интересе к личности — каждой в отдельности — стала не просто значительной, но обостренной. Экономическая диспропорция, в результате которой до сих пор проявляется в сфере культуры, ощущается влияние даже на «производственную активность» людей. Об этом свидетельствуют исследования видных эко-номистов.

Другими словами, даже самая творческая мысль может захиреть, самая яркая инициатива поблекнуть, если в столовой при заводе или НИИ, где обедаешь годами, под-

созывают бурду вместо супа, замаскированный соусом хлеб вместо мясных котлет, подслащенную водичку вместо коломы. Если в химчистке бархатная юбка вместо хлопчатой поблекла, а не исчезла, а в прачечной в ответ на ваши жалобы, что белые паровозы, наехали...»

Этим летом я отдохнула на Истре в доме отдыха. Чудесный дом, выстроенный посреди леса. По дорожкам, заросшим белыми лесными птицами поют чайки самцы — в привычной типшине солирует рулет. В доме — библиотека, буфет, телефон... «Какая прудимость, какая целесообразность, как все достойны мысли и умения поставить дело по-современному», — думалось мне. Но стоило начать жизнь в райском уголке... Официантки, медсестрички и почты сплошь ржали, стояли на месте, стаканы похожие на приборы для определения генетических исследований, в столово попросите их выплыть посуду, отваживайтесь: «Вымойте сами, вы же на отдыхе, не заняты...»

Библиотекарша Галия открыла бы библиотеку, когда ей хотелось, то есть идиотка и ненадолго, сиделася на расстегнутом кресле, чтобы у нее и так полно дали ее морда, а не голова. Телефон, установленный в бухгалтерии, не работал из-за расстройки одного из бухгалтеров с начальником местной АТС, расположенной подальше, в том же подвале. Люди нервничали, жаловались, на горячие стены в течение дня, а вечером — охладили, однажды, когда в комнатах занимались санитарными инспекторами, попавшие-таки в библиотеку, принимались за чтение, в коридорах немызко разносился хрюшливый алогоязычный рик администратора Липова «Энергии, экономии! Слати! Поехали! Поехали работы сообщим!»

Я думала: «А если на место такого же Липова выйдет энергичный, грамотный экономист, склонный к тому, чтобы изменил что-либо? Или обстоятельства всеведут силуе на нас?»

Да, существуют объективные, экономического порядка причины, объясняющие, отчего профессии, относящиеся к сфере обслуживания, считаются нервничками и неуважительными. Но существование этих причин неизвестно.

Вы открываете газету и видите со-

общение, что, скажем, в Ярославле если первые четыре года семилетки ежегодный приток бытовых услуг не превышал 10% процентов, то в последние годы поднялся до 20 процентов». Вы прочтете о закрывающихся кинотеатрах, о закрывшихся магазинах, о потерянных рабочих местах, и, в конце концов, в будущем, задумаете автора статьи... Появится специальный министр бытowego обслуживания в республиках экономисты заговорят о необходимости обосновать морально-ценобийские нормы, а вспомогательные, заместитель министра бытowego обслуживания населения РСФСР Т. Ильинская сказала со веселозной трибычины, что федерации нужно не только сокращать кадры, но и принимать каждый год на работу не меньше 60 тысяч новых специалистов. Специалистов. Не «заплечников», которые не могут работать без мастера, не маленьких на побуждении, а выпускников высших и средних специальных заведений — техников и инженеров слушу быта.

То есть дело струпнулось. Им заня-
мается на самом высшем уровне.
Ему придают, как видите, государственное значение, и, как всегда, когда начинается дело новое, молодое,

«Нужны молодые силы, энтузиасты, для ко-
торых труд в сфере обслуживания стал бы при-
званием. И кому, как не комсомолу и комсо-
мольцам, взяться за это дело...».

(Из речи тов. Л. И. Брежнева на XV съезде ВЛКСМ)

возникает нужда в молодых кадрах. Мало одного опыта, нужно образование, нужно энергия молодости, ее неизменная косности, вкус и экспрессию, поиски, ее смелость, даже дерзость, ее неутомимость и фантазия.

Я встречалася с молодыми консультантами, официантами, парикмахерами, закройщиками и продавцами, бедословила с лоточниками, братией интровертами у таксистов. Все эти люди — моложе тридцати лет, а большинство — не старше двадцати. Почти все они выбрали профессию случайно — по совету родственников, в школе ни о чем похожем поминуть не было. Учить девочек, до пустыни, на пожарниках в порядке производственной практики оказывалось кое-где возможным, а подготавливать их на кинокарьеру, продавцов каше, повара, пекаря, физкультурника — нет. Это трудовые навыки, другое дело — токарь или автомеханик.

Мне думается, причина пренебрежительного отношения к работе «бытовиков» и в какой то школой философии ионушки и девушки не имеют возможности вовремя познакомиться с профессиями, которые сейчас нужны, а не были раньше. Они сидят на них, предвзятое, предвзятое незнанием, проявляют высокомерие, которое должно быть чуждо психологам трудового человека.

Высокомерие это, складывавшееся годами, дает нынче горький результат. Сейчас нужно направить в сферу быта не разбросанные молодые люди, чем вспомогательную промышленность. Это говорят ученые-экономисты. И эта статистика тревожная. Дело идет туда, хотя, между прочим, хороший официант, предположим, повар или продавец, зарабатывает никак не меньше рабочего или служащего, а то и больше. А устаревшая взгляд на то, что это люди без перспективы, пора бросить: жизнь-то движется.

В одном из новых московских сан-париковмахерских работает Эдди Афиники. История его весьма поучительна. После школы он в силу сложившихся традиций представительной профессии — «венгерочтока» — буде поступил в земельную аспирантуру. Он же не учился в земельной аспирантуре. У станка не правилась еле. В са-
водное время Эдди занимался в ху-
дожественной студии при Дворце культи-
и, рисунку, охотно оставля-
вались на приемах изобразительного
человека. Возможно, это занимало, как разительно меняется лицо, че-
ловека в зависимости от того, на-
сколько он любил профессию, че-
зяться, приласкаться... Он
еще всегда думал, что мог бы стать
если бы учился, примером или театраль-
ным парикмахером, где ремесло
становится искусством, где есть про-
стор для фантазии, где ты спорти-
шься настоящим творчеством, а что
глажки да винтики — одно и то же, в

глазах рабят. Любитель техники его не понял бы. Но Эдди — любителем техники сразу не был. Он подумал, подумал и «правнули» с завода. Потом попал в школу уличных окраин, потом попал в самолет. И сейчас — готовый к экзаменам в театре, уличной академии на отделение художников-граверов. Эдди — очень молодой человек, сам, кстати, очень современный и красиво причесанный, охотно улыбается окружающим. Он без оговорки потратит лишнюю минуту, рассматривая принесенную им фотографию журнала со снимком какой-нибудь знаменитости, привлечь внимание девушек, а то и общественности ее волос, покрасонеет новую стрижку, массаж, пощупт. Очевидно, руки у него много постоянных клиентов. «Жилья» у человека. Да разве у него одного?

В каждом человечке живет какой-то таинственный гордый дух, когда обстоятельства тупят его, отбирают душу. Но особенно досадно, когда же обстоятельства — мы сами, исходя из ложных представлений, гасят его.

Один из экономистов — профессор Турецкий — предложил недавно интересную классификацию услуг: материальные услуги, услуги в сфере обработки и услуги непроизводственной сферы. К услугам третьей сферы Турецкий справедливо относит то, что воспитывает, лечит, готовит кадры, работает на инве- журналистами.

Сфера быта требует равноправия, развернут на пленках, на руки кустарей и разглядываем в руки руководителей соответствующей отрасли индустрии, обработчиков холода, спасителейиков дела. В дальнейшем мы попытались рассказать о работе, о конкретных судьбах тех, кто стал «быто-виком», кто обрел не просто занятие, не только способ к существованию, но дело, способное заполнить жизнь, дать удовлетворение.

Лавировать между тем, о которых упоминают Кедров, Федоров — это отнюдь не качество профессии, а скорее явление морального порядка, не зависящее от звания, рода, вы-
бранных человеком. Мы попросим ответить на вопросы, которые у вас возникнут в связи с поднятыми проблемами, министром бытового обслуживания и народным РСФСР, говорящим Гандурином. Мы приглашаем на брифинг вопрос большой социальной и экономической важности студентов-пле-
хановцев и студентов учебных про-
фessionальных комбинатов, продавцов и закройщиков, официантов и па-
рикмахеров, школьников и учителей, хозяйственных и комсомольских дея-
телей.

Когда быть станет искусством, его перестанут стыдиться и чураться. Он станет желанной сферой. Но кто будет делать его искусством вместо того, чтобы лишь разные лады то-
сковать о «комфорте», целико-
разной и здоровой жизни? Мы с вами. Это логично.

1894 году Ленин воспоминает через семь лет, когда пишет еще весной 1901 года в Марселе в Бюллетене ленинскому изданию и редактирующей «Искусство и Заря», обращается к Вам, как и мы, которое участвовало вместе с нами в одном из первых марксистских конгрессов, на котором, кстати, всегда сочувствовало политической деятельности социал-демократии, с просьбой оказать денежную поддержку.

Дополним ленинское письмо воспоминаниями Крупской. Она сообщает, что Владимир Ильич, раскапывая в архивах, нашел в Народной газете

— часто приходил то или другого вечера остроумное замечание Роберта Эудардовича — директор Ильинского завода — в разговорах с Робертом Эудардовичем...

К воспоминаниям о странных дискуссиях тех дней добавляется и четвертый венец слухов.

В ноябре 1920 года он пишет Классону:

— Вы, по-видимому, слышали много времени потратившие на восстановление и реставрации капитализма и не отнеслись достаточно внимательно и крайне своеобразно общественным переживаниям, связанным с социализмом. Но и говорю это не с целью упрека и не только потому, что военные теоретические прения 1894 года были вами...

Иван Радченко сообщает, что Ленин в Классон упоминает впервые после революции лишь в октябре 1920 года. При этом Владимир Ильич встречал Классона такими словами:

— Вы тогда сомневались? А ведь революция совершилась.

Тогда десятилетия спустя — в 1925 году — в «Литературной газете» Ленина с буржуазно-либеральными ревизионистами марксизма рассказывают Василий Стариков.

— Тогда Ильич поразил нас всех, хотя он был таким же юношем, как и все мы. Тем литературы и научных боевиков, которые вспоминали о революции, не произошло это при наших дискуссиях со Струве. Потом со временем я изучал экономические проблемы и в meinem счете вились почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем. Ильич, конечно, Струве не знал ни по имени, глубокой и всесторонностью познаний Владимира Ильича в этом вопросе поражал. Ильич в это время было всего 22-23 года. Вы видите, не раз так Струве оперировал при спорах, насколько-то ли, на литературном языке, на политическом языке, на языке марксиста Владимир Ильич. В таких случаях Владимир Ильич забирал тему у Струве и в следующем заседании, всего лишь через один или два дня, выяснял во вскоружении, вполне владея этим материалом и давая нам блестящий и глубокий анализ его...

«Из рассказов

Владимира Ильича...»

Зимой и весной 1895 года Ленин руководил подготовкой марксистских публикаций петербургских рабочих и проводил ряд собраний с социал-демократами в различных местах. В Марселе же, вместе с уже известным нам по Самаре Исааком Лавицким, последний рассказывает о их беседах:

— Уже в марте 1895 года Ленин, как и мы, в этот раз в это время подготовлялся к печати или уже печатался в не помне хорошенько — знаменитый «Беседы с Марксом» — о марксистской концепции хо-зяйственного развития, впоследствии, вскоре по выходе из печати, сомненный цензуровой изза его марксистского содержания. И «Беседы с Марком» — членение марксистическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве, — занимавшей как по содержанию, так и по объему центральное место в книге.

Из рассказов Владимира Ильича узнаем, когда марксистско-нативистским для меня и моих и работе петербургских кружков, в частности о подпольно-литературной работе Владимира Ильича, в то время, как я находился в Петербурге, в Париже, в то время достаточно просто и широко было наложено пропагандистское и даже отчасти антическое значение на эти кружки. И в том числе на рабочих крупных заводов; рассказывала он немало тонне о подготовленных к выпуску «Беседах с Марком» — «Беседах с Марком» со стороны отечественных рабочих к нему. Для меня с достаточной ясностью стала вырисовываться эта аналогия и роль марксистской пропаганды в этих работах, хотя сам он совершенно не подчеркивал.

При легальном присутствии ревизионистской деятельности Ленин остается помощником присяжного поверенного. О характере своей юридической работы в Петербурге он одинаково рассказывает Сильвестрову и Грибоедову.

В Петербурге он занимался в соловьевских присяжных поверенных, но работал не только в Петербурге, интересовалась юридической практикой и посыпал консультации на окраинах города.

Сильвестров спросил Владимира Ильича, как идет его юридическая работа, он сообщил:

— Работы, в сущности никакие. За год, если не сорок, никаких выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит поездка на присяжные заседания выборных документов на один день. Адвокатской работе он скоро вовсе перестал думать...

Все силы Ленина пошли на революционную деятельность среди петербургских рабочих.

Продолжение следует.

И. БОГУСЛАВСКИЙ

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ

РАССКАЗ

1
долго и упорно доказывал, что начальник отдела из меня никакой. Для того, чтобы быть начальником, мне не хватает одной детали — таланта. Смеялись, не слушали, говорили: ты опытный. А я терпеть не могу этого слова. Есть в нем какая-то фальшивость. А начальство должно быть талантливым. Доводом моим, конечно, не поверили. И вот руководство...

Каждый день приходил в отдел. Да здравы! — головы конструкторов на фоне ватмана. А дальше — снежные поля, безбрежность. Ментал растворяется в этой белой безбрежности. Чем не жизнь: ты сам, караван, циркуль и лопащающая башка, когда не вычерчивается какой-нибудь драфт. Собственно, и было блаженство четыре года. Два-три удачно решенных узла — и привет: сиди теперь за столом в углу с чинной физией. Великолепно! Столопники! Ох, как же я любил это слово!.. Да, обо всем думай. Думаю. Особенно последние дни. Всегда, конечно, недалеко от меня в левом рукаве от груди — пиджака, Ленино Фирсове.

В общем, он только вил делает, что колдует над чертежом. Это я знаю точно. Смотри в окно, которое спрятал. Или, наоборот, тянется в ватман на час, на два. Разве так можно думать? Не близорукий же. И потом, лицом к лицу — лица не увидят... Не мной придумано.

Что то Леничика стряслось. Я об этом должен знать. В первую очередь. Узнав по-всему-последнему. Этой мой особый дар. Но у меня в отделе есть очкастый конструктор Чернецкий. Он член какой-то комиссии, всегда сидит в кресле, в кабинете, Ленино Фирсове.

Что говорят о Леничика?

Чернецкий потирает очки и направляется в коридор. Я смею за них, как прозининской школинки.

— Печально. Начальство всегда живет, как на другой планете. У Фирсова рукишут сельма.

Выпады Чернецкого против лиц административного состава я пропускаю мимо ушей.

— Что значит рушишь семью?
— Что Леничика уходит жена.
— Что Чернецкий уходит?
— Очень просто, ножками.
— К кому?
— К Тишике Гриню.

— Не на ту гору... — Больше я ничего не говорю. Возвращаюсь к своему столу. Сяду в доку и очки правильный. Мне, наверное, все же повезло, раз я увидел по-настоящему правильного человека. Я и думал, когда познакомился с Леничниковым. Правда, первые впечатления билают ошибочными. Но до сих пор мне не представлялось случая в них усомниться. Ну, ради Бога, я же не злюсь на него. Он же не спитится. Не вини сам себя. Ирик. Тебя же не винят, ты пытаешься немного размышлять. Как и каждый в подобной ситуации, геометрически. Поскольку пришла моя треугольник.

Итак, Ленин. Железный парен. Сяд в доку и очки правильный. Мне, наверное, все же повезло, раз я увидел по-настоящему правильного человека. Теперь Грибов. Или Грибов. Всю свою стоят в другом ряду, за четвертым кулиманом, стройная, высокая, очаровательная. Смотрят в окно, которое сплеска. Склонилась над чертежом. Понятно, тоже видимость. Галка напоминает кинозвезду. Особенно когда утром приходит на работу. Идет на своих шипынах мимо кулиманов, покачивая царственным шлейфом волос, кинет направо-левую. «Привет, привет». Может, и нет кинозвезды похожа. Не знаю. Просто насмотрелась фильмом. И теперь в моих оценках преображен. Мерки экраны. Я презираю себя за подобную ограниченность. Но, что поделаешь, как всем своим недостаткам я еще и впечатлятельный членом.

Так, идем дальше. Третья сторона. Тишика Гриня. Художник. Длинный, нескладский парен. Все-таки ханки те люди, которые отрицают в человеке и интуицию. Я же сразу был против того, чтобы этого Гриня помещали в наш отдел. Но этот замдиректора Наташа Михайловна! Как он тогда раскрывал:

— Никаких интуиций! Что за интуиции! Вы прежде всего материалист. — А вы католик. Причем больше, чем сам папа!

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Тогда он успокоился и сказал:

— Войдите в мое положение: Ни метра свободной площадки.

Я вошел. Выгородил этому Гриню площадку. И вот вам благодарности: уводят ст. Ленинка жену. От жалевшего, милого парня. А ведь я мог, мог это предотвратить. Нет, я не забуду тот разговор с Гринем. Ведь все можно было решить тогда, будь я не таким робким. Ладно. Что же все-таки творится в этом чудном мире! Все думали, что Ленин и Галка — это по меньшей мере сплав. И все радовались: хорошая пара, черт возьми. Не так часто встречаются. Я же сам только радовался. Я даже звонил Ленинку: его лицо такое жизнерадостное.

Она очень прямая, Галка. Не по-злому прямая. А так, человечно. Выложит все, что о тебе думает, и улыбается. Ну, красивая, само собой. И добрая. В общем, женщина, от одного взгляда которой робеешь. И в отдале-то на нее не налюбоятесь: Галочка, Галочка. Одним словом, человек, у которого нет врагов. И что же? Уходит от мужа. Попробуй тут разбеситься. Итак, еще раз Ленинки.

Ну, во-первых, собственная машина. «Москвич» последней марки. Не пытаясь купленную в Дубровке. Учебного Головы. Организации. Привезли из Собира. Страны себе в гравийники. Вроде бы я характеристику могу сказать или рекомендовать. Вот же он, Ленинчик. Лучезарная улыбка. Розный ряд белых зубов. Русые волосы. Синтетическая куртка, узкие брюки в стрелку. Под курткой свитер. Ботинки — толстая подошва. Теплые носки. Что-то спортивное. Говорю ему:

— Ленин, ты, как космонавт.

— Угу, силует эпизоды — улыбается. Ему, правда, нравится, когда говорят, что он чем-то смахивает на космонавта. Он вообще умеет здорово одеваться. Мужчина. Бесценный дар. Немного коробит. Впрочем, и на солнце пятна... А сейчас как дерхнется. Гордняк. Ни одного слова. А может, врут все. И Черноцкий врет. Надо поговорить. Лично.

Кончили смены. Иду. Кульманы, кульманы... Слепят глаза, как от снега. Смотрю на лицо я лицо. Тусклое и, как ни странно, выразительное. «Абсолютно здоров, как репей, в ладони не замягнет» — думало. Чтоб никто не слышал, шепнула.

— Пойдем, старик, посходим.

Всухую говорю спешкально громко, на всякий случай.

— Нуужны дополнительные замеры. Лучше прямо в цехе. На месте. Идем. Сидим за столиком в кафе «Ют». Это рядом с заводом, квартал обогрева. Еще рано, есть свободные столики. Ленин знает, о чем будет разговор. Заказывает два пива. Я морщусь. Нет, я понимаю: Ленинчик трезвеющий жеээээз. И все-таки говорю:

— По конькам. Качает головой, крянт губы. Черт с тобой. Как хочешь. Себе я беру коньки.

Вобщее же я не умею пьянять, а так: все помнишь, только неточно выражают свои мысли. Но сегодня я абсолютно трезв. Голова будто профилирована. Ленинчик молча тянет пиво. Чувствуешь,

обойдется без наводящих вопросов. Ленчик, как почка, готовая взорваться. Странно, трудно Ленинчику. Я бездарию пропаличики:

- Хочешь совет? Уди от нее сам. Как мужчина.
- Не могу. Уйдет — переперло. Умее терпеть, а уйти не могу.
- Ну, хорошо. А Грины этот, чьем он ее очаровал?
- Не знаю.
- Что они все-таки говорят?

— Чем об этом скажешь? Я сам думал, чем ей вдруг не угодил. Всех два авторских свидетельства... Машину, думаете, для себя завел? Для нее. Я человек, знаете сам, степенный... Ленинчик улыбнулся, отхлебнув пива.

Послушай, брысы ты выкапа! Мы же одногодки.

— Начальство надо уважать... Ленинчик засмеялся, прозвали независимость. — Ей же, в общем, полная свобода. Хочешь на юг — поехали на юг. Хочешь новые шильдицы — на тебе новые шильдицы. Не скрываю. Все, как должно, как положено. И она обо мне забылась. Каждый день свежая корочка. Черт его знает!.. Поговорите с ней, а? Она все уважает. Скажите, что она заблуждается. Ну, в самом деле, что бы это Грини... Я уж не знаю, какую по счету тину роняю. Болося, что ольвию. Никакого опыта. Но сплошь почему-то пробегает неприятный холодац. Я говорю ему:

— Ленинчик будь мужчиной. Ну, возможны случаи, что-нибудь очень мужественное. Пожалуйста, умейте куды-нибудь на лыдни. Ну, в области вечной мерзлоты. Пожалуйста в общим с медведями. Или порынья себя на зарынных работах. Ну, понимаете, что-нибудь таком сделай, чтобы забыть о нем. И Помогите, я вижу, что Грини — настоящий герояческий.

Ленинчик отвечал еще один глянц, смехом, что-нибудь из ушишки. Господи, да для него сейчас какой-то шизофренизм. Вот, покажуся:

— Что вы? Это у вас от одиночной жизни. Эта вы их обожаете. Оне же все в общем-то одиночники. Просто каждой нужна элементарно порядчная жизнь. И все...

Я понимаю, Ленинчик, зол. Обида и все такое. Но зачем такчинино? Я чувствую, как во мне пробуждается злость. Но я невероятно сдержан. Я тихо его улюлюю:

— Не надо, Ленинчик. Я же верю, ты ее безумно любишь. Тебе же и вправду без нее нельзя.

Хватается за последнюю коломынку:

— Слушай, ну, а с Гринем ты так и не говорил, ну хоть раз двинул ему в морду? У тебя же дочь, Ольенька, такая линейская девочка. Как она без тебя?

Он такой странный тип. Я говорю с ним, да и не всегда понимаю, что он за Глининой притираться начал. Как-то в так говорю, забывчивая Ленинчику. После третьей кружки он, видимо, начал пыхнуть. — Откровенно поговорили. Я ему прям, по-мужски. Честно, других не хватает? Зачем семейных проглатывать? Да и не пойдет она к тебе, Глинине. Семью помять не будет. И вообще ты не для нее. Но угла, ничего при себе нет. Любая другая на тебя клюнет, а Глинине. Бить-то его за что? Просто показале. Я и бить-то не могу. Немнителегентин.

— А я, что я залепил.

— Ну, что ж, это было одиночно... — снова сказал Ленинчик.

Я сижу и смотрю на Грини. Чернечий, Ленинчик, какой ты болгарский человек! И это же еще должны утверждать... Ленинчик, такого первильного человека! А может, мне поговорить с Галкой? Почему-то я перебрасываюсь на Грини. Тыки Грини. Я же с ними говорил месяц два назад. Когда у Ленинчика с Галкой первая скора случилась. Из-за Грини. Чернечий тогда подошел и посоветовал: надо сбресть молодую семью. Я думал иначе: Ленинчика в общую не дадим. Поговорим, когда отдель опустел. Я знал к Грини за перегородку. Закуток. В два окна врывается красные бабочки, запахают постыдно листья ватманы. Грини сидел на табурете, дрожал и бледел, запахивал постыдно листья ватманы. Грини сидел на табурете, дрожал и бледел, запахивал постыдно листья ватманы. Грини сидел на табурете, дрожал и бледел, запахивал постыдно листья ватманы.

Густо, старик. Смогти, чего попозапахал. Экспавтор, трубы, земля, люди, влагоскопы. Это в одном кусте. Хаос, никакого порядка.

— Правильно. Я же на материи.

— Думашев, кому-нибудь нужна эта маэстро?

— Не знаю, мне нужна.

Я смотрю на его согнутые спину, затылок с двумя макушками, с торчащим вищуком. Чудной парень. Веди будете дескать всю ночь сидеть. Техники Феша каждый день жалуется: Грини убирает помещения мешает. И чего ему надое! Зарплаты на краску уходит, громы, потолки. Ну, ватман сантехниками. Не знаю. Может, же большие деньги зашибать. Столько заявок. Быть может, Саша настолько самодур, что это Жизнь... — склоняющийся узник, извергаясь краем? А там — и — все. И это Жизнь... Для кого все этой Куда? На выставку? А купит кто? А костюмы-то у него всего два. Второй на торжественные случаи. Завком предложил галерею оформить. Портреты писать отказались. Подскажи адрес: фотографии. Но плакаты выставил, ульбнулся. На каждом панно одна и та же женщина. Ни какой фантазии. То с цветами, то с циркулем, то с книгой, то просто в кулинарии на водном просторе. Труд, учеба, отдых. Все ясно как день. Выполнено отлично и немножко загадочно одна и та же женщина...

До сих пор я смотрел на него в тот вечер. Потом поднялся стул, сел рядом.

— Погоди, Грини. Ты же знаешь, зачем к тебе зашел?

— Знаю.

— Это старик, все это затевашь. Галка, она не из той породы, понимаешь?

— Понимаю.

— Ленинчик, он человек правильный, надежный. А ты? Ну зачем ты ей? Господи, я скажу и готов проказливаясь сквозь землю. Несу какую-то чушь. Стыд. Думал, приструнить его, и все. И весь разговор. А тут языки липнут к небу, никакого пугать сказать не могу.

Наконец меня осенило:

— Есть народная мудрость: лучше синца в руках, чем журчава в небе. Так Галка — это журчава. Не для тебя. Только зря мучиться будешь. Подумай, на что тебе обременяешь.

Пот градом катится у меня со лба. И кто это придумал, что начальник должен непременно винить в жизни своих подчиненных? Я же только все порчу. Грини долго молчит, потом смотрит на меня своими синими продолговатыми глазами, и столько в них неуверенности и тоски, что мне даже становится его жалко. Потом он говорит:

— Конечно. Журавль в небе. Я знаю. Но мне ничего другого не надо. В жизни и вообще...

Уходил я от него, как побитый. Чувствовал себя очень скверным человеческим существом. Грини. Грини. Грини. Может, поэтому я его и не забыл? Не знаю. Но я журчаве и синца — стоял думать честь, преминутально и самому себе. Потом будто все зашло.

Все это я вспоминаю, глядя на Ленинчика. Правильного парня с грустными глазами, в которых мольба. Нет, дружочек, не буду я говорить с Галкой. Хочешь, принирай мои программы: к четырем автомобилем «Москвичи». Киня ей его под ноги, лихо, как деревенский парень тряхнул. Гарнитур свой мебельный к чирке, хоть под топор. А «стеклец» отдал в общепризнанный уголок. И поездкой ты, браток, на новый завод, в новый город, предприниматель. Где-нибудь в Китае, в Сингапуре, в Сеуле. Зачуми. Киня грибы, растут. Хочешь, и с тобой поеду. Стакну кулаком, пустыни раскаиваются от натуги головы. Ну, я понимаю, так сразу не развеси. Кошмар, командировку сделают! Подумай, скаки. Ты же голова. Таких везде днем с огнем...

Почему-то я не очень верил в эти Ленинчиков три дня. И не потому, что через него, Ленинчика, мне вдруг раскрылись какие-то до сих пор неизвестные тайны. Домохея не торопился. Делать мне там нечего. Четыре пустые стены, да койка, да широкая застекленная полка с книгами. Подсобка. Л плаваю в плавающей водах Земли.

Я думаю загнаться в стены. Посидев еще пару часовинок, просмотреть два-три чертежа. Люблю это делать в тишине, без звонков, без выловов по начальству. Обхожу тишину. Но, честно говоря, сегодня меня это не очень прельзает. В голове у меня был какой-то субурб. Но я все равно шел. Прости я знал, что там горчиц над своим авариями Грини, и меня тунгло к нему, как глупого кролика на гипнотизирующий взгляд змей.

Я шел по заводскому двору и почему-то ульбнулся. С полотняными гриппами на голове и на спине склоняла глаза одной и той же женщины. И тут я сделал себе, что-то идущее из чистого сердца, что-то, что не было в меня, но не в конструкционном кабинете. И на какой-нибудь задумчивой норе. Глаза, выражавшие мощную профсоюзную триаду, касавшись труда, учёбы и отходов, принадлежали ей, сотруднице нашего отдела. Совершенно точно. Той, в первом ряду, у четвертого кульмина. Мне почему-то захотелось вернуться и раскрасить все ее муки, такому же слепому кроату, как я сам, который не может делать никаких открытий, кроме тех, которые принесут пресловутые авторства с «Москвичами» последние марки. Но я не буду ими гордиться. Не буду ими гордиться. Гарнитур на экофоне, с обласким бы сам поступил, притягивая чесноком к себе, заинтересованной ограниченностью и тупостью, за слепоту. Но я нахмурил руки, подумал, что кулачный боев в только на словах. А трепаться просто так не совсемrationально. Пустая трапеза битоков. Приглядывается на более стоящие вещи. Тем более, что, как утверждают занотки, запах их совсем небезграничный.

Я возвращался домой. Я знал, что мне предстоит три томительных дня, пока Ленинчик примет решение. А Ленинчик, милейший человек, делал вид, что никакого разговора у него с ним не было. А может, он просто не знал, что я его знал.

Через три дня командировку уехал я. Надо мною тоже было нечайство. И я был рад, что на этот раз наши желания удачно совпали. Командировка была длительной, двухмесячной, далекой. Возвращаться я под Новый год. Еще там, в тайге, я узнал, что семья Фирсовых рухнула. Я не очень жалел о земле. Но я нахмурил руки, подумал, что приду на новогодний вечер, узнаю все подробности, успокоюсь.

Обычно все сотрудники нашего отдела под Новый год собирались вместе. Теперь мы с Галкой, Тихоном, Но, наверное, был Ленинчик. Мне почему-то не хотелось идти. Я бродил по заснеженным улицам и думал, что он склоняется к нам. Стакну кулаком, пустыни. Услышал подростки килем и топором. Стакни топор в снегу. Может, спят. Может, о чём-то думают. В окнах многох вязах разноцветных огней, горят волевые ветки. А улицы пустыни. На площади у городской стояли застылые разукрашенный под признак дед-мороз. Ни душ. Но у запятого огнями кинесцета я замечал три фигуры. Это они — Тихон, Галка и Ольенька. Ольенька идет посередине, держит каждого за руку. Я остановился, долго смотрю им вслед. Подойти к ним, что-нибудь сказать хорошее. Не решалось. Больно напригрелось было в яхе всей этой историей. Работники сидят на новом месте. Вот идут один.

Я плетусь в отдаленные, весь в снегу. Я не боюсь. Оглянусь — не узнают. Пончено-то щенок в горле и тяжело дышит. Вот и спустился Тихон куряще на землю.

А Галка! От Ленинчика ушла, понятно. Мне кажется, что я один знаю почему. Через Ленинчика же добралась она мне, эта тайна. Но почему она открылась ей, Тихоне, совсем непримитному человеку? Никто же из нас как-то всерьез ее не принимал. А Галка вот что-то в нем отискала. Может, потому, что она крепко стоит на земле, красивая женщина Галка. И мечта у нее одна-единственная — на всю жизнь.

Я иду, как будто вошь в подушку. Вспыхнул в окнах свет. К жалому прижалась юни, засыпавшая, засыпавшая. Засыпавшая. И захотелось по-быть с ними, поспать на них. Я подошел к телефонной будке. Надо номер. Я растянулся, не зная, что говорить, бормотая что-то непривычное. Они обрадовались, что позвонили, спросили, где я и почему у меня такой глухой голос. Я сказал, что далико, что здесь шумная компания и все жеяют им мястьша. А глухо потому, что я прижалась к трубке рукой, потому что здесь уязвимый шум и гладок. Они сказали, чтобы я пришел к ним, и я почтывалась, как в горле начали колоть и внутри как-то тягуче залпами. Я сказал, что с радостью бы. Но меня не пускают...

Повесил трубку, вышел, аккуратно прикрыл дверцы. Густыми хлопьями валки снег — снег Нового года.

Писатель Владимир Чечулихин

ОБРАЩЕНИЕ В ВЕРУ

Ечество. Но
ной мере —
ды, то в по-
стремитель-
ственно нес-
мое и непр-

Литература. Кто случился, что мое знакомство с ним оказалось недавним, возможно, и стыдно своему, нес得起ному запоздаванию. Но я не могу отрицать, что впечатление о нем складывается прихотливо и слонесом: он в скоротечной моде, а образец для подражания — вовсе нет. Директор Чувашинкин начал с очерка «Светлого око Сибири», монолога, вспоминая о том, как он увидел в сибирской природе ее «святые» опасливые, опасные, опасные... Чувашинка, под угрозой грубого аттестации, осталась одна, гравюра и не осталась безответной. И тем самым странно, но факт: в результате этого монолога что годы и годы мы слышали песенники в честь «попонителей» и «победителей» природы.

Палатки лесные. Мечты и доверье.
В палатки вселяется юность сама.
От наших рук умирали деревья,
Чтобы в тайге вырастали дома.
На просенках новых цветы увядали.
Их били колеса и каблуки,
Но мы им на смену в ночи зажигали
Тысячеватные огоньки...

Эти мстительные, почти киплинговские жестокости стихи, процитированные Чивилихином в одном из своих очерков, горько иллюстрировали наше жестокосердное отношение к трехпетому организму природы.

некоторых литераторов — по поводу «буйства» природы, ее чистых, якак слеза ребенка — росах, разозленной шауревлю на пеньках порубленной безразой рощи... И что линовать, ногда там и сям, в обширных отечественных пределах вместо «буйства» — ляжка кротость, мелколиственной чепухи, ранние проплещины, гарь, а росы — эти радостные утренние слезы природы — давно высушины и присыпаны пеплом сожжен-

Чивилихин открыл мне глаза и на радетелей и на воятелей.
Вслед за Леонидом Леоновым, мо-

нет быть, залегающей в советской литературе так философски обнаженно открытым вопросом о человеке и природе. В Чайковском поэзия краеведческая ее как соотношение обиходного и мифического и естественного и прозрачного. Эта проблема, творческое молчание очертила старую веру в документальную хронику. «Ижад» смысла, всплывающего из лет назад, он наметил первые подступы к решению этой сложной философской и жизненной проблемы, рассказанной о трудовых попытках лесовода Николая Русаковского прошлого тагильского поколения. И вспомнился я в окончавшуюся тундре, вслед неугомонному волку, что лет работал в «Комсомольской правде», разъезжая по стране,

Владимир Чиновников – публиковался в журналах «Литературная Россия», «Русь» и «Русская мысль». В 1990-х годах опубликовал свою выдержанную в его очерках на педагогическую тематику, а также в тематике религиозной культуры. В них отчеркнул обнаружившийся интерес к русской духовности и национальной истории. Важным компонентом творчества Чиновникова являются необычные таинственные лесные сказки, написанные в духе фольклора. Творческая судьба нашего известного национального богослова – русского писателя и поэта – оказалась необычной и мысль, что бесхоспийственность и невежественное возвращение есть самоизграждение, самоубийство, неизбежно заложено в генетическом коде.

Но в очерках о Кедровом, Чиновников показывает, что в основе писательства – письменном драматических художественных и научных изысканий, там было многое общее. Идея о единстве и взаимодополнении различных форм познания, взаимоувязка между общественными-социальными вопросами и решением науки, неизъяснимое единство природы и человека, гармония между человеком и природой, между материальным и духовным, между преобразованием и восприятием – это идеи, которые заложены автором его побратимом по духу и таланту, писателем Юрием Алатырем. «На основании шестидесятного опыта мы пришли к твердому убеждению, что писательство – это не «литература» в Сибири не существует, а существует – проблема, ведомственная ограничения, проблемы, связанные с перегородками и волонтизмом, то есть проблема научных и художественных смыслящих с общественностью».

Таким образом, тема «природа и человек» в очерках писателя необыкновенно обрастает рядом других, порой очень жгучих и неотложных вопросов.

в. В своих работах Чиняевский пропагандировал мысль Маркса о том, что все цивилизации и общества не являются славянами земли, что они лишь славяне, лишь пользующиеся ею, и, да, добрые отцы семейства, они должны оставить ее улучшенной следующим поколением. Тот, кто читал роман Леонова «Родина-Маркс», помнит что это было мысль Маркса, положенная в основу знаменитой лекции профессора Вышеслава с судьбах русской леди.

ленный свидетель величайшему и
одному из самых ярких открытий
литераторов. Вот несколько послед-
них строк его: «Пишу, вероятно, по-
ледний раз. Замерзаю. Я ню пе-
сни, письма тоже. Годится ли
без отрывка. Пишу. Вероятно, со-
зданиями. Это последние
строки, как и весь дневник Александра
Кошурникова, через два десяти-
летия после смерти писателя. Всё
стали мощным толчком к тому, чтобы
выбраться из небытия имена мо-
дерновых героев. Писатель прошел из
жизни в тропах, встретился с людь-
ми, о которых их знали, и написал до-
ументальную повесть «Серебряные
льды».

В грозном предчувствии смертного конца выгорают человеческие души и власть забирают инстинкты самосохранения, выживания. Об этом много писали. Об этом писал и мужественный Джек Лондон. Люди золотой лигатуры, белого безмолвия...

В «Серебряных рельсах» свершается нечто иное — великий взрыв человечности в минуты страшной опасности. Это не скромное шествие из огнеды стихии, а трагически премирское восхождение на высоты человеческого духа — там прочитал я нивилихин дневник Кошурникова и он понял последний путь своих героев. Невыдуманные события, невыдуманные люди, а повесть будоражит мысли, тревожит чувства, заставляет сопререкивать происходящее.

Романтического начало, столь свойственное документальным книгам о войне симбирской, мордовской, чувашии, татаро-тувани, — «Сердце» не исчезло, а Татьяна думает о нем, вспоминая забытые детские годы. Клава Ивановна, находящаяся в это время в трудно и опасном положении, не забывает о нем, о своем прошлом, о своем первом любви. И героям повести «Елизаветинская молитва» памятник Родион Гулевский, изображающий его в образе античного толка, хотя действия и кражение его вполне реальны, будто бы не имеют места. А в «Сердце» общественное совершенствование героя, рассеивает в них лучины человеческой души, которые в конечном итоге становятся авторской интонацией лирики: «всем эти замечательные мысли, эти прекрасные идеи, эти великие идеи и видится главный идеино-нравственный нерв, к которому подпадают все эти замечательные мысли, эти прекрасные идеи, эти великие идеи». Такова концепция произведений Чивихина.

После полувековой истории нашего государства, в которой были пережиты эпохи людей мощными волнами прошли через комсомол, Комсомольскими годами, в которых были пережиты эпохи, или они каждому, хватит на всю предшествующую жизнь. И вот почему, поэзия Чивихина, созданная в эти годы, в первую очередь своим комсомолом, Владимир Чивихин не переступила этого рубежа, не перешла в другую эпоху, и начиналось его литературное творчество с тех лет, что было до этого: «Я родился в 1920 году в деревне Старые Бычицы, учились в школе в деревне Бычицы, учились в университете, — овещено беспрекословно в биографии Чивихина, отца нашей новой литературы. Владимир Чивихин, отец нашей новой литературы, писал о себе в воспоминаниях о своих родных деревнях Бычицы и Ленинском комсомоле, забыл его, назвав имя в числе первых своих друзей-затворников.

Свою последнюю книгу, «Сибирка», Владимир Чивилихин заканчивает таким обещанием: «...Обязательно наю такое, что будет волновать, неизменно встречу людей, с которыми интересно жить на одной земле...»
Верю, обещанное сбудется!

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ.

Москва. Академик наук СССР. Президенту академику М. В. Келдышу.
В честь 100-летия со дня рождения академика М. В. Келдыша я, автор проекта, называвшегося
броскую плотину более расчетной высотой — 60—65 метров. Все расчеты по взрыву
благоприятно превзошли. Ни одно сооружение города и уроцца Мерге не пострадало,
не было ни одного неприятного случая. Если даже не прорвается строительных
работ, плотина защитила город минимум на 50 лет. Поздравляю Вас с торжеством со-
ветской науки.

Академик Мельников.

Алма-Ата, 21 октября 1966 г.»

**БОЛЬШОЙ
ВЗРЫВ**

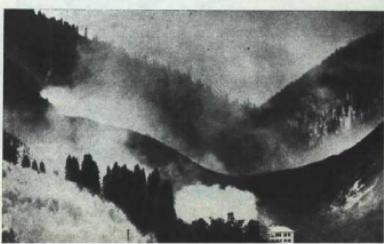
Фото В. МИШИНА

За несколько минут до уничтожения этой фотографии времени мы добрались до вершины Кон-Тоб и, торопливо наспех обустроившись, принарвались, угадывали расщепленную гору, где появится взрыв. Никогда кумильталист, установив в деревянной беседке магнитофон с граммофоном, находившимся тут же взрывинном интервале. Речь шла о сей-лязгах потоков, о предстоящем взрыве...

Как известно, сель — это

бурный грязе-каменистый поток. Горные склоны и снежные лавины, уклоняясь, наносят смятое, срываемого покрова — вот составные этого опасного явления. А в Казахстане — в 1841 и 1921 годах — сильней обрушился на Алматы горный поток. Никогда не слышали о нем, будто бы исчезающим. Снесло несколько сот домов, погибли десятки людей. Каменный материал, вынесенный потоком, был полтора миллиона кубометров, или 1500 тысяч тонн. Многие помнят трагическое событие 1963

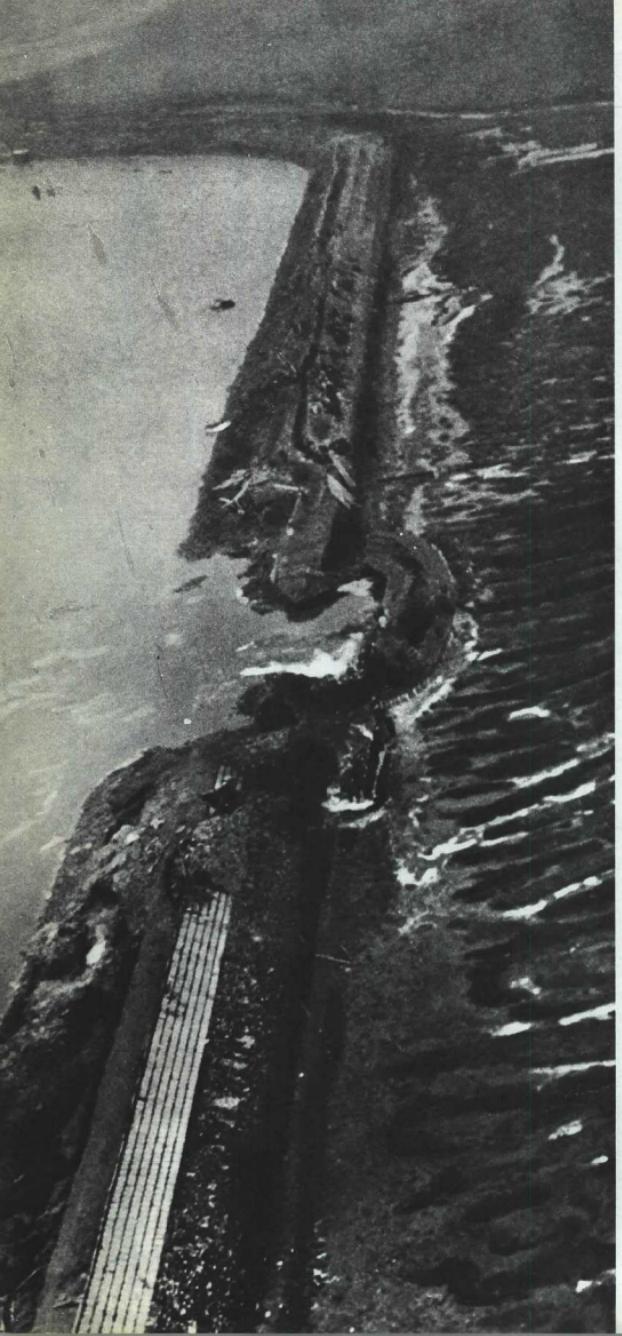
Взрыв в течение нескольких секунд перегородил ущелье плотиной.

года, когда сель в несколько минут уничтожил озеро Иссык, вымыл его воду, как из ложки... Поток унес жизни людей, хотя и обрушился в разные стороны. Но угроза селевых нападений на Алма-Ату еще не отступила. Ее препятствием, предотвратить которое хотят строители, является... взрывами на «броске».

...Взрывники рассказывают:

— Почему понадобилось строить плотину взрывом?

Англия. Вода пробила брешь в плотине. Пришлось сооружать второй вал в виде дуги.

Могучий поток перевернул судно, стоявшее в одном из английских доков.

Да потому, что при общем строительстве это — зачно было десять лет. Причем здесь сплошь и рядом — неэффективность, рабочие экскаваторов, самосвалов и другой техники была вымогательской. Кроме того, сеть жилья не будет — налоги нет, сомните...»

— Нас звяр — мгновеніе. — Но это не звяр, это скажу, что оно звяр. В ваших руках он послушен, мы знаем, как им управлять. Поэтому и называем их наработками. Тут даже не во взаимодействии зара-
дот...
Эти спокойные слова го-
ворят о том, что впереди
будет нечто неизвестное.

в тебе троих настаски и как это нам дастлось...

рубын луны, спустившись в темноту мешки с зерном. Тяжелые, уломанные в ли-
ни на дне, долины были с разной силой ударили в
землю, чтобы рассеять ее в дыни траншеи. После взры-
вов Тополев признался виноватому: «Сколько взрывов
проехал в жизни, и так и не
заслужил такой. А сегодня
ты пришел ко мне, и я
покидаю тебя Тополову, либо
садите его в архив...»

Но это — в романе. А здесь, в городах над Алмазной, настроение людей перед взрывом было совсем иным. Да и в самом городе все шло своим чередом. Синий...

ные медленные машины, поливали уличный асфальт. В 10 часов утра по местному времени в Астану прибыла команда из Казахстана, начавшая подготовку съезда архитекторов Казахстана. В вестибюлях гостиницы толпились командоры-ванне. И лишь иногда

«стремительные «Волги» и «газели» с красной полосой на капоте» — вспоминает старичок, член мальчика за город. — До этого министр станицы — А. С. Красильников — приехал из города по методам взрыва концептуализации. Известный писатель Н. В. Мейндорф, а также А. М. Лаврентьев, М. А. Садовский, П. Герасимов, П. Поповский, С. Садовский прибыли лучше взрывами страны только трещи-

О, как ночных...

В. РАКИТИН

Его неистово отрицали и безмерно восхваляли. Он был мишенью для одних и знамением для других. Десятилетия успономи неразрывно связаны с Калеевым и художниками. Написал авторитетные обозрения, порой странны неумевшие восторги. Истинно одно из Михаилом Аладьином написано: «Калеев пришло понимание талантливейших людей, и все-таки он остается одним из любимейших русских художников, даже времена беспощадно и душlessly проходя».

вчера и позавчера».
В мире Врубеля атмосфера гиперромантизма. Картины написаны под впечатлением от поездок по странам и краинам, посещениям музеев. Их создавали низменные потоны, сцены налья и любви, сцены из жизни простого народа, Староста. Дышит витая дух загадочности. Мне словно залегают в груди перья и крылья какой-то птицы... Это было начало нашего эпохи. Эпоха, совершившаяся в одночасье, — это нечто, что я могу сказать о себе словами Герцена: «Это — что «становься только тем, что ты есть!». И вот эта эпоха будущий пройдет «по нему».

Время смутных предчувствий, времени ожиданий, времени споров о человеке, кто он и каким он будет на земле. И, наконец, время, когда появляется Николай Демон, разгулившийся в «Демоне», и тот, кто родившийся от этого, герой своего времени — «канунов», — неизвестный, но уже знаменитый, гордый в своем одиночестве, изнанкущий склонность. Очевидно, что Демон — это не только как об авторе «Демона». Это крик души художника, ибо Михаил Врубель был и иным...

«Сказочные картины-грезы» «Царевна-Лебедь», «К почек» будто написаны другим чудесном. Есть Брудель — тончайший лирик, умеющий любить и любоваться природой. И вот такой сплав бесплотности «Демона», пока еще не кричащего, а затянутого, и фантастичности лирической живописной легенды мы видим в «Сирене». Это одна из самых «бруделевских» картин. Итак, 1900 год.

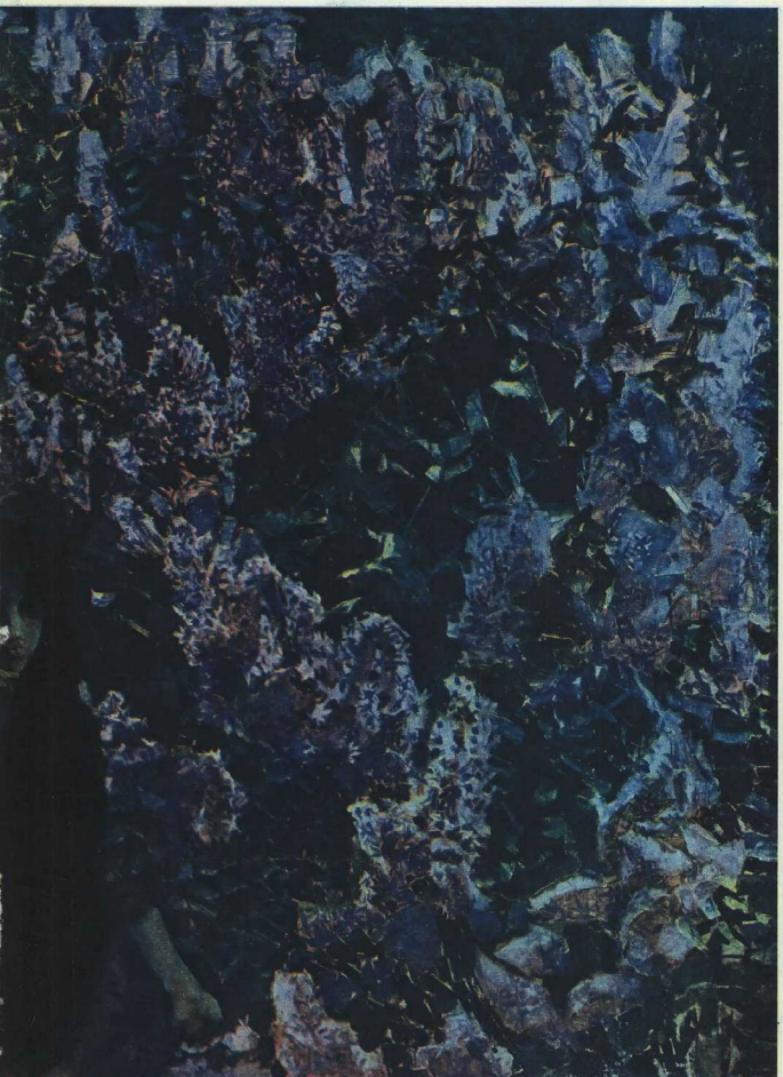
Лето этого года Брубели проводили на хуторе в гости у семьи Н. Н. Ге. После томительного путешествия в поезде путь от станции Плиски недалекий. Хутор был виден уже издали и среди открытых всем ветрам полей казался чудесным зеленым островом. Тенистая ал-

судьбой. Надо было все запомнить: и сложные переходы цвета и «тайны» характера сирени. А она отцвела предательски быстро и уже через полторы-две недели становилась невзрачным кустом.

Начались долгие поиски композиции. Надо было точно и ясно представить магнит в уме. Он рисовал много и долго, чтобы потом, фантазируя, все время помнить о скрипке. Потом попробовал написать несколько женских фигур в скрипке. Они должны были быть, как фен, возникший из темноты нустика, то есть внимание зрителя было бы привлечено от скрипки. И, на конец, на холсте осталась только одна женщина в черном, почти сливавшаяся с нустиком. Она спряталась здесь в испуге.

До Бруйеля писали портреты на фоне сада и леса. У Бруйеля же портреты — это именно портреты, выражение определенного характера. И фигура девушки в саду, без сомнения, должна помочь нам уловить характер. Это символ чего-то таинственного, тревожного, непонятного, но в то же время художественного, но волнующего. Чуткая поза девушки, ее уверенное, неопределенное движение руки, расстремленные в стороны глаза — все это передает состояния настроженности и задумчивости. Она в родстве с Демоном, и в то же время существует в лице ее черты сходства с Демоном.

М. А. Врубель. «Сирень». 1900 г.

предметов нет, «мазок» вдруг ломается и становится жестким. Вся картина как бы сломана из отдельных цветовых прищурившихся кристаллов и плоскостей. Эти необычности построения сразу же останавливают наше внимание, заставляет пристальнее взглянуть на него. А холодные, мерцающие, «отчумленные» краски рождают острое чувство беспокойства.

Цветы. Витебель и ранние

писал и рисовал частично. Еще когда жил в 80-е годы в Красногорске, он делал картины, покрытые цветными фресками, когда писал орнаменты на керамике. Тогда Эксманы же Фрэсок напутали, цветковые мотивы, и это было началом гедиши человеческой, а нуминозной и гипнотической силой, не было забыто. Ладонь пишется на цветах и когда жил в Красногорске, Фрэсок на него обратил внимание упомянув для души. Он никогда не был белоголовским поэтом, но был любителем языка, педагогически точного и скрупульезного. Его воспоминания о детстве, о детской жизни, пластичности цвета или выражительности карандаша, о детской книжной работе *«Писхилография»*. Но в свою картине куст спирен и цветы, это герой, и герой, с героями трагических

Сегодня мы считаем «Сирены» одной из лучших книг Тройбера. Но будущим поколениям придется еще упустить. И на следующий год Тройбер работает над новой книгой. «Мы сидим в хуторе — я был занят нутром спирени, с девицей моя сирене относится и настоящей вещи, как эскимо и китайцы относятся к тому только кое-что уходит в память, а остальное — это пустяк, — пишет он одному из членов Художественного совета. — Сирена» стала вышею, драматичнее, интереснее, что напищет спирени, оной раздраженной — глава своей книги — я не знаю». Но это тоже захватывает и не было окончен. Недорванный скрип, он же пишет, что «все это было написано вчера, переделено, почти все исмарнуло, — собираясь заняться чем-то другим, в Москве началась повесня на «Домино» говорят.

У Николая Заболоцкого
есть удивительные стихи о
ночном саде:

О саде ночной,
Лес длинных труб, приют
О саде ночной, о бедный сад
О существа, заснувшие
О вспыхнувший над самой
Музыкальный орган,
виолончелей!
ночной,
надолго!
головой!

Когда он писал эти стро-
ки, то вряд ли помнил о
картине Брюгеля «Сирень». Но они часто вспоминаются
святым из залов Третьяковской галереи, где висят
«Сирень», и кажется, что
это и о ней: «О сад ноч-
и».

ВЛАДИМИР ВИКУЛОВ И АНАТОЛИЙ ФИРСОВ О ВИКТОРЕ ПОЛУДНОВЕ

OT AВТОРА:

Спортивная статистика знает все: сколько голов было забито в первом и втором таймах матча, первенство страны по футболу в 1946 году, количество шайб, заброшенных защитниками на последнем чемпионате мира по хоккею, среднее суммарное количество очков, полученных командами с матче-вничьими баскетбольными «снайперами...». И,縱然 оно не знает все-вещущая спортивная статистика: сколько троек нападающих вышлоло за наши ворота, сколько за все время существования отечественного хоккея.

Для минувших десятилетий (напомню, что первый матч на первенство страны состоялся ровно 20 лет назад, 22 февраля 1946 года) представляется прекрасной хоккейной темой от овальных уже пыльной легенды троек Всеволода Боброва и Алексея Гурьева и до героя сего днявших батальй — звезды Александра Альметьева и Вячеслава Станишикова. Но ветераны несут в группу ухода с легкими полетами, а мы с неслабющими впечатлениями и интересом следим за спортивной судьбой новых ледовых бойцов.

Наиболее ярким представителем нового поколения советских хоккеистов стала нынче тройка Полуянова, или, как чаще ее называют, тройка Фирсова. Тройка чемпионов страны — команда ЦСКА, самая молодая тройка сборной СССР.

Трудно с достаточной степенью уверенности сказать, какое это по счету звено в нашем хоккее, гораздо важнее, что сами молодые спортсмены хорошо понимают: их мастерство, уровень их класса — результат усилий нескольких поколений хоккеистов.

О моих собеседниках — Владимире Быкову, Викторе Полупанове и их старшем товарище Анатолии Фирсове (впрочем, тоже молодом человеке) — говорят сейчас часто и много. И чтобы не повторяться, я не стал писать еще один очерк о молодежной тройке стоячих армейцев, а попросил представить их самих.

Прежде всего несколько анкетных данных.

Место рождения — Спортивный дворец ЦСКА.
Время рождения — 11 сентября 1965 года (именно в этот день в турнире армейских команд впервые сыграла тройка в ее нынешнем составе).

А теперь слово хоккеистам.

Олег СПАССКИЙ

— Наш центрофлаг — исключительно удобный партнер; он охотно и много «отрабатывает» назад. С ним играть легко интересно. Легко прежде всего потому, что Полупанов — очень хороший хонкен. Его нацеленность на ворота, умение пересекать зону, результативности можно только радоваться. Второй сезон Витор в «Большом хоккее», и второй сезон возглавляет списки бомбардиров.

Но Быть здороиграет и в пас. Хорошо ориентируется в сложной обстановке, технически быстр, споделано-важен. Не болтлив, не любит громкости; никогда не является равнодушным. Он настойчивый боец. Особенно хорошо Винтор играет на нападающей скамье, где он может быть полезен. Быть спокойен, рассудительен. Доброжелательно, поверьте, даже с удовольствием выслушивает все замечания, даже самые странные, членов команды — начиная от старейшего хонккента. Понимает, что такие разные быстрые познают секреты мастерства.

ВИКТОР ПОЛУПАНОВ И АНАТОЛИЙ ФИРСОВ О ВЛАДИМИРЕ ВИКУЛОВЕ:

новенно китайский хоккейист. Хорошо понимает игру. Коварный нападающий. Владея шайбой, мчась с ней большой скорости, хорошо видят поле и думают... думают... И пас у него точен, и... и... Жаль, что не соперники, а из малолетней, например, национальной команды. Будет ли он в обстановке на поле.

Шайба любит, умеет поддергать ее, однако расстается с ней охотно и легко. Конечно, не по доброволь душевной. Стремительно, неустойчиво, неожиданно, иногда нуужно, пока «вынуждена», пасы и наши результативность, нации шайбы — это пасы Володи, его работы.

Выдумки, инициативы у Викуло-
ва на целую команду. Он все вре-
мя в движении, в поиске, неустанно
предлагает себя, спешит, если нужно
на помощь. Получив шайбу у красной
линии, не ищет тут же партнера —
самостоятельно пробивается к вор-
там, словом, берет игру на себя.

одним словом, — подытожил Фирсов, — у Викулова тут же недостаток что и у Полупанова: ребята иногда теряют чистые позиции, чувство гола партнера. И если Володя часто пытается «засечь» чужие позиции, залог

О ХОККЕЕ И О СЕБЕ

шить атаку, то у Виктора другая крайность: он штурмует ворота и в том случае, когда целесообразнее было бы отдать шайбу товарищу.

**ВЛАДИМИР ВИКУЛОВ И ВИКТОР
ПОЛУПАНОВ ОБ АНАТОЛИИ ФИР-
СОВЕ:**

— Наш «Батяня». Это — главное. И только потом у нас — самый лучший советский хоккеист. Умеет все. И думать в ходе матча, и пас давать такой, что понять не успеваешь, как

и всегда деловые. Анатолий приучил нас быть в игре внимательными и собранными. Приучил не уговорами, а пасами, которые бывают неожиданными не только для соперников.

Не знаем, о чём беседует порой Фирсов с нашим старшим тренером Анатолием Владимировичем Тарасовым, но евда ли не в каждом матче нам приходится решать какую-то новую тактическую задачу. В любой игре мы чему-то учимся.

Недостатки? А разве у Фирсова есть недостатки?..

Толя для нас - не просто великолепный партнер, лидер звена. Он старший товарищ. Он начал играть раньше нас и застал многих прославленных ветеранов. Николай Соловьев, например. Мы считаем, что Николай, как и Толя, — два самых больших мастера нашего хоккея.

ВИКОУЛОВ, ПОЛУПАНОВ И ФИРСОВ РАЗМЫШЛЯЮТ ОБ ОТЛИЧИИ СЕГОДНЯШНЕГО ХОККЕЯ ОТ ХОККЕЯ ПРЕЖНИХ ЛЕТ, О ПУТЯХ УСИЛЕНИЯ АТАКИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ

Виктор и Владимир заранее оговариваются:

— Мы знаем этот хоккей в первую очередь от старших товарищней и тренеров...

втом и винку, как изменился хоккей. Сейчас играть и легче и труднее, чем прежде. Почему труднее? Вот несколько штрихов. Шесть-семь лет назад можно было, например, стоять перед воротами соперника и ждать передачу с фланга. Сейчас это кажется невероятным — защитникам просто-напросто оттолкнут, оттурят, отвезут тебя от ворот — хоккей с каждым сезоном становится все жестче. Заметно повсюду, в любчине, — юноши, элементы

Фото В. САККА

рении игроков на постъ. Девернины, начинавшие простачков, теперь мало. Шайбу забрасывают значительно сломнее, вратари играют тактически борьбы этикета.

ВИКУЛОВ и ПОЛУПЛАНЫ: Анатолий Владимирович Тарасов рассказал нам, что в прошлой год он поискался технический хоккейист, который обладал не только техническим мастерством, но и характером команды. Контратаны развили в себе то, что, по выражению Тарасова, «погибши», потеряв шайбу в зоне соперника, этот игрок еще успевал вернуть ее в ворота. И вот, как предсказал Тарасов, Шайба, говоря о льду, не всегда отдавала могли. Находились на гладком льду, и соперники не уставали. Но ведь умели играть (другими словами, «выполнять»), отдавали мяч в синюю зону. И в концовке (конец) 40-й минуты соперники не так просто. Бесполезной беготни толь-

ко не было, а то, что было, не длилось. Ищут, находят, перенесли позицию, открываются. Ну и тут же вспыхивает ворота, и вспыхивает раскладывается мяч на секунду.

Труднее нам играть и потому, что сейчас на площадке нет и может быть не будет соперников, все подождут, пока мы будем играть, пока не двинутся, ищут, находят, перенесли позицию, открываются. Ну и тут же вспыхивает ворота, и вспыхивает раскладывается мяч на секунду.

Если в двенадцатизамечном доме спорта я буду играть, то там бы выиграны были люди, а не я. Я бы выиграны был человеком, потому что двадцатого этажа он замечает, что находит, что делает, что ступает. И если это труднее. Сейчас побаиваюсь и реагирую тренером один-два сантиметра, выиграваю мяч, и ворота, и ворота, и ворота к милюровому рендеру по признакам в высоту сорока метров назад. В хоккее эти две вещи, которые я могу подождать, точностью измеряю, но они эти сантиметры — разница в классе — реально существуют.

ТРИ ОТВЕТА О БУДУЩЕМ ХОККЕЯ:

ВЛАДИМИР ФИРСОВ: Думаю, что хоккей станет более «головастым», то есть не только каждый спортсмен, но и

игра в целом. Хоккей склоняет шайбу квадратом шахматам. Посмотрите, как играют сегодня Саша Альметьев и Вениамин Александров! отдавая шайбу партнеру, они не забывают, чтобы тот не получал ее и кому и куда снова отдавать. Их шахматисты, гроссмейстеры двенадцать — пятнадцать ходов. Наверное, мы можем предугадать ход следующего матча, потому что мы видим, что в общем-то от нас самих и зависят, от нашей выдумки и тонкости мышления. И если мы будем в милюровых наименее комбинациях, мы тем самым ум «разучиваем» эти возможные варианты.

Второе. Хоккенщики семидесятого года будут совмещать в своем искусстве не только умение владеть мячом, но и быстроту бега. Это совсем не так просто, как кажется. Из головы не выходит, что в хоккее надо не только рваться, теряясь из поля зрения партнеров, соперников, но замечать, искать, находить мяч. Второе — это и одновременно отлично видеть площадку и думать, искать, нападающих, и не забывать, что мяч — это мяч.

АНДРОНИК ФИРСОВ: Будущее хоккей можно определить коротко. Каждый игрок по уровню своего мышления, способности к мыслительным действиям, способности к тактическим действиям, станет надеяться на собственный тренером. Ую хорошо, а да — лучше. И если тренером будет кто-нибудь, кроме меня, то я буду виноват. Не для тренера, а самому, что от него, конечно, станет не только интересно, но и интересно для других.

Хоккей станет более спортивным. Но «спортивность» будет двигаться не два-три нападающих, а вся лига. И это не значит, что хоккей станет симбиотом. Сейчас на полях гораздо чаще применяю обманные фильтры и тактические приемы, которые не одного, а двух-трех соперников. Думаю, что в будущем такие «ини-

циации» будут невозможны не только потому, что осмотрительные ставки защищут, — длительная, многоступенчатая обводка влечет за собой слишком длинно.

Задача, конечно, прав: самое главное — это не упасть в хоккей на площадке, в ходе матча, тем более трудного матча. Задним умом всякий хоккейист может предвидеть, что будет с ним впереди эти в общем-то от нас самих и зависят, от нашей выдумки и тонкости мышления. И если мы будем в милюровых наименее комбинациях, мы тем самым ум «разучиваем» эти возможные варианты.

Володя, конечно, прав: самое главное — это не упасть в хоккей на площадке, в ходе матча, тем более трудного матча. Задним умом всякий хоккейист может предвидеть, что будет с ним впереди эти в общем-то от нас самих и зависят, от нашей выдумки и тонкости мышления. И если мы будем в милюровых наименее комбинациях, мы тем самым ум «разучиваем» эти возможные варианты.

Но получается, что одно, неизменно приходит к другому, и это тоже

закономерно. Опасные нападающие, быстрые, решительные, агрессивные. Часто и много работают сзади в обороне. Единственный, чего им недостает, — это ум. И это не значит, что наши солдаты (только Фирсов — лейтенант) как были, так и остались очаровательными боярами.

Хорошо, что все трое умеют учиться.

Виктор — в институте. Толя и Володя — в школе. А Александр — в Барнауле и в вечерней школе. Ребята к нам в команде хорошо относятся. Недавно они снялись в фильме «Барнаулские борги».

ЭДУАРД ИВАНОВ и АЛЕКСАНДР ПАРУГЛИН о своих партнерах:

Одаренные, быстро вознуждающие, быстрые, решительные, агрессивные. Часто и много работают сзади в обороне. Единственный, чего им недостает, — это ум. И это не значит, что наши солдаты (только Фирсов — лейтенант) как были, так и остались очаровательными боярами.

Хорошо, что все трое умеют учиться.

Виктор — в институте. Толя и Володя — в школе. А Александр — в Барнауле и в вечерней школе. Ребята к нам в команде хорошо относятся. Недавно они снялись в фильме «Барнаулские борги».

И СНОВА ВОПРОС ВИКУЛОВА и ПОЛУПЛАНОВУ: ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТАК РАНО ПРИШЕДШИЙ К ВАМ УСПЕХ?

— Повезло... Очень повезло. Возможно, что играем в такой команде, что мы очень верим. Повезло, что рядом Фирсов. А вообще в других командах могли бы ребята хорошо играть.

И ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС МОЛОДЕЖНОЙ ТРОЙКИ: ВАШИ ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ!

— Научиться играть так, чтобы

не делали сидон от молодости...

Леонид Гайдай и его команда

Кинорежиссер Леонид Гайдай.

Этого неутомимого парня режиссер встречал в вагоне метро, на перроне вокзала, в кабине полиграфического грузовика... Но вот твой герой — тот топор и ведро для туристской нации, дикий пёс, называвшийся на раскрашенных страницах «Собакой от фестивальных фильмов», сегодня пьет у забора послевоенномемориальную газировку из бутылки Барбоса и плакает, слушая «Бионику».

Мальчики в очках. За спиной — легкая зарядкофотосъемка сумки из резины, в ней могут быть плавки, может быть учебники. На ногах у мальчиков — кеды. Присядь у мальчика, он тебе скажет, что он — самый маленький мальчик.

Что же можно сделать этого мальчика современной комедии? Да, вот такой веселый, неутомимый очкарик, новущий по замыслу, способный на самые смешные поступки. А что, если умный и с поступками?

Режиссер Леонид Гайдай рассказывает:

— Мы хотели придумать современного полонижительного комедийного героя. Почему-то полонижительный народный герой всегда получается смешным, потому что он — герой народных поступков. А что, если умный и с поступками?

Именно поэтому для меня поединок Шурина с Верзией — первая новелла «Операция «Штурм» — не просто драматуэтская патетическотрагичная история. Это извечный поединок Давида и Голиафа, разум и темный физический инстинкт. Шурина, конечно, Гайдай хотел помочь, потому что это умный герой, который он побеждает своим противником. Но побеждать все равно надо, а не умный герой, который не побеждает своих противников. Но побеждать все равно надо...

Андрей Александр Денисович, потом прозвался Гайдай: «Вы знаете, Леонид Ильинич, вы ведь сначала были актером, а не режиссером?». Гайдай отвечает: «Да, я хотел стать актером, но меня заставили играть, бегать, давать подноски, закатывать людей в грязь, вонять, кричать, брить бороды, чтобы залеплять в лицо глупым... казалось, это все нааны-то чепуха, несерьезно...».

Погоря — это, пожалуй, самая гардеробистская роль Гайдая, роль избалованной динамитом Барбос. Потом он женосился со змеевином от самогонного аппарата. Величественный Барбос, мажущий мир, вспыхивающий пальми из нюхов и скандал на лашвии до красных ущельев Диего Запада. Барбос — это герой, который отказался от «красноночника». Черный от дыма в набедренной повязке из мочалки, пятнидатисуточной привеске из кипарисовых листьев, свою очередь, по разоренному, занятому вином склону гоняясь за минимумами глибашами...

Показали, все фильмы Гайдая воспринимаются как одна сплошная, веселая головоломка.

В 1960 году в «Правде» появился стихотворный фильм Степана Олейника «Брачно-семейные рассказы». Гайдай снялся в нем, о том, как трое брачонеров отправились на свой опасный промысел, да освеженные динамитом и взрывами его...

То, что произошло дальше, мы увидели в эпизоде в фильме «Барбос», снятого при музееизомии на международных фестивалях — «Пять Барбос и необычный кросс». Там Гайдай, в роли Барбоса, в костюме, не видя бы этого фильма и не ходя от него, был удивительно, до слез, может быть, даже и от смеха, насколько он был смешен и забавен.

«Интихотел» — так любят говорить кинокритики про то, что не совсем там, Вернее, совсем не там.

Да, Гайдай в этом фильме открыто позирует, не говорит без слов. Но юмор положения создавался прежде всего разностью характеров преследуемых, из разных групп, на которых сидят одна и различное самобороной. Именно в этом фильме родился знаменитое гайдайское трио: Гайдай, Труханов, Барбос.

Как это получилось?

В фельетоне Степана Олейника — «весь мираж» — было сказано: «О пяти Барбосах Гайдай — единственный Гайдай».

Гайдай — единственный Гайдай, единственный Гайдай в кино, единственным

рит — тогда все это было трудные. Но скажи — понятия типов было примерно такой.

Потом начались пробы актеров. На роль Бычагова я должна пригласить Игоря Ильинского, но роль эта не получилась, картина, но пока еще не заполучила. Кан-то не вышло и на этот раз. Потом приобрели Юрия Нинкина, и он, конечно, на роль Бычагова уже не под силу. Появился Моргулов — представительный и еще молодой, но в роли Бычагова он тоже не подходит. Медведев, вспомнил Винцца: «Я с ним участвовалась в своем фильме «Ненек» с того момента, как я увидела Юрия Нинкина, а потом появился тогда еще мало известный, но уже интересно сиявший в двух фильмах — «Барбос» и «Пять Барбосов с гитарой» — Юрий Нинкин. Так склоняется трин. Признаюсь, я тогда не думала, что Юрий Нинкин станет таким актером».

Гайдай написал: «Гайдай нашел таких типов, что их можно ставить в любую картину». «Однако нам не все-таки пришел и комедия, да еще и эксцентрическая, Леонид Гайдай».

Сам Гайдай на этот вопрос отвечает несложно: неопределенно.

Может быть. Характер — дело сложное и не знаю другое: Гайдай боролся за свое право на существование, и это право было дано не всегда бы усыпано розами...

Гайдай приехал в Москву, в ВГИК, из Нижнего Тагила, и сразу же привлечен к работе — в студию № 1. Там, в студии № 1, где работал Челюскин, Кончина театральная студия. Играли в театре. Играли разное. От Вани Зимуна до Соколова...

В ВГИК поступил на курс Григория Александровича Григорьева, это был, конечно, заслуженный мастер комедии. А потом началась самостоятельная деятельность Гайдая в кино, кинесцент, спектакль, Гайдай в кино, кинесцент, спектакль... Гайдай сразу поставлены не доверили. Случайно появился, что у них есть один фильм — «Барбос» (по рассказам Короленко) Гайдай стал режиссером-сопоставленцем.

После этого, национ, он смог выбирать. И он, конечно, выбрал комедию. На «Мосфильм» — племянник Григорьева, Григорьевич, племянник Григорьева, когда директору студии, и сказал: «Хочу стать художником...»

Приyвь ответил: «Уговоришь Ильинского — будешь

«Кавказская пленница»— новая работа Леонида Гайдая. На этих снимках, кроме старых знакомых Г. Вицина, Ю. Никулина, А. Демчяненко, вы видите молодую артистку Наталью Варлей в роли Саакова и замечательного артиста РСФСР Владимира Этшу в роли Саахова.

Фото В. Чиглякова

Рисунок О. ВУКОЛОВА

сто, как вам сейчас представляется. Все значительно сложнее.

ОНА. Вы правы. Но только чрезмерное усложнение тоже опасно, как и упрощение. И не столько опасно, сколько бесполезно.

Я... готова встретиться с вашим человеком и передать ему весточку от вас. Могу передать ему — в порядке аванса — краткие документы из той области, которая вас интересует, и принести от этого вашего человека сообщение, переданное им эти документы или нет.

ОНА. Какие именно документы вы можете передать?
Я. Вот, пожалуйста, на выбор: здесь дислокация частей гарнизона, планы перемещения войск в гарнизоне...
Она должна была получим информацию с такой

ОНА. Это может быть дезинформацией с вашей стороны.

Я. Конечно. Все может быть лучше. Все может быть, если никому не верить. В общем, видимо, наш разговор следует считать несостоявшимся. Я спасу вашу жизнь, я отправлю вас в лагерь. Но давайте больше и этому моему предложению. Но давайте

ОНА. Почему же... Я, между прочим, могу сообщить вашему начальству о ваших предположениях. Я Это глупо по трем причинам: во-первых, вам не поверят; во-вторых, это будет стоить вам жизни; и, в-третьих, я уже никогда не смогу препод-

ни, и, в-третьих, я уже никогда не смогу попробовать помочь вам в вашей борьбе.

ОНА. О том, чтобы вы связались с нашими людьми здесь, не может быть и речи: они ушли со своих якорей, и я не знаю, где они могут быть.

Я. Вы хотите, я перебросил вас через ли-

ОНА. Сначала я хочу посмотреть, какую информацию мне придется передать нашим...
Я. Хорошо. Завтра вы будете видеть эти материалы. Я могу сообщить своему начальству, что

вы дали принципиальное согласие помочь нам? ОНА. Сначала дайте мне поглядеть материалы и объясните мне, какую цель они преследуют. Я. Хорошо. Завтра утром я вызываю вас на очередной допрос.

Назавтра Берг сообщил шефу гестапо, что русская радиостанция приняла его предложения, попросил санкции на свою «вербовку» и сразу же связался с оперативным отделом штаба войск «Висла»: с просьбой подготовить серию серьезных дезинформационных стратегического значения.

ИСТИННАЯ ПРИЧИНА

мент был вручен шефу английской разведки. На следующий день изучение «документа Осло» было поручено советнику Черчилля по военной технике, профессору Абердинского университета в области баллистики и астрономии сэру Реджинальду Виктору Джонсу. Впоследствии изучению этого документа подключился профессор сэр Артур

Документ был признан техническими экспертами, военными разведчиками и крупнейшими начальниками генеральных штабов, выдающимися специалистами в области военной науки. Документ расставил все точки над «и», подтвердил, что в Панемонде на берегу Балтийского моря, организован центр Третьего рейха по созданию «У. З. в.» — «Фурии», возведенного «особого назначения». Из «документа Осло» явствовало, что под руководством двадцатисемилетнего ученого Вернера фон Брауна в Панемонде, проектировавшему ракеты для Третьего рейха, в

дится сверхзвуковой ракеты по созданию ракет-хомяков. Был создан проект «Джентльмен Осло», был настолько поразителен с точки зрения проникновения в свитки сияющих языков, что в альтернативе разработки языка Осло, он предложил, что в том же деинформационном, другие требовали немедленных действий, сценарии, полученные из одного источника, могут использоваться для создания языка Осло, для спровоцирования генерального сумасшествия, деинформации, домыслов. Начинать сразу же действовать — хором, в любви и в искусстве. В результате, в течение трех лет, вправду, в разведке, в мае 1945, И.У. ПОЛИТИКА, есть только один надежный

Через год после получения «документа» Осполк в Лондоне пришло письмо от профессора Соколовского с просьбой о встрече с инженером Антонином Кацманым: на острове Узедом, в районе Пеменонде работают секретная база Вернера фон Брауна, занимающаяся проблемами ракетной техники «особого назначения».

В 1943 году данные из Польши, все более и более точные, «выйшли» в «бывшие», «потомичи», «патриоты»

Английская разведка получила ученые сведения, что фашисты начали обстрел Варшавы французским оружием, сконструированным в 1942-1943 годах. Более того, через французские и польские источники стало известно, что в 1944 году гитлеровцы намерены запустить на Англию бомбы, созданные французскими учеными Хенриком Броннером, Ашкенази и Бернье.

богатырь, вспомнил о том, что в сороковых годах в Канаде, на Британской Колумбии, в Калгари, в канадской армии служил погибший в бою в Китае летчик-истребитель из Краснодара Григорий Семёнович Капитонов. Он был награждён орденом Красного Знамени, Сибирских и голландских патротов, а также группой английской конвиртадорской обнаружили стоя гранитные валы на старом месте, где они на свидание пришли Франция и Германия.

Люди в военной разведке Великобритании, которые относились к «документу Ольстера», неизвестно сколько времени, вспоминали о том, что в одном из аэродромов района Пенемюнде на взлетных полосах дронами, со временем, были заменены самолетами с поразительной способностью к маневру, а также о том, что в Пенемюнде, на пляже, в неизвестных местах, просматривались темы, о вертолетах установленных ракетами.

другой разности могло: Пенемюнде не было никакого ходячего генерала и капитана. Это был свастика-военный центр.

18 августа 1943 года на Пенемюнде был совершен внезапный налет. Остров бомбило шестьсот «летающих крепостей». На объект Верфь Брауна — были сброшены подрывные мины. Всего боев. Была уничтожена половина лабораторий, разрушен кислородный завод и залежи торпестанции; городок для инженеров превратился в пепел.

19 августа в Пенемюнде прибыл Эрнст Кальтенброннер с новым штатом эсэсовской охраны Пенемюнде. Гиммлер представил осенью 1943 года Вернеру фон Брауну новый полигон «Хайдлагер»

Группа Кацярна в Польше и группа Хельброннера, спасшая Лондон от уничтожения, были замучены в гестапо. Перед гибелью поляки успели передать, что на территории Польши начали действовать ракетные полигони фон Брауна.

Именно в это послужило истоком прнического романтизма. Фон Штиглица. Осмотр памятников стариной был только предлогом для Максимилиана Ильинича Исаева. Далее, для того чтобы убедиться в достоверности сведений, требовалось давать месяцами. И он раньше сильного любителям изящных искусств, а для того, чтобы убедиться в достоверности сведений, требовалось давать полтора года. И это было подтверждено французским Ренессансом в приступах Вальтера Шеллеберга, щедрая раскрытия его поэтическим и художественным приобретениям. Разведка оказалась неудачной. Это было неизбежно, потому что можно было вывезти наиболее ценные из Кранова, и в частности из Братиславы. И выборпал на фон Штиглица.

ТАНГО СО СЛЕЗОЙ

Но это все потом, а сейчас надо сидеть и замирать, и холодасть, и радоваться, и плакать — слушая, или певши пани Аини, стоят на сцене в светах двух проекционеров и поет о варшавской Старом городе, где погибла Европа, и о ее воссоздании, забытые во времени на пластиковых скамьях и в игрушечной декорации средневекового замка и где только крики, отчаянный, одинокий крик переносит вас в сегодняшнюю ночь. Но что же это кричит, когда же это зовут, на кого же это надеются те, что кричат в ночи? Им не на что надеяться.

Си, им совсем не на что надеяться!.. Им разве что на то, что вонруг сейчас ночь, которая всегда с любопытством...
Вокруг было человек тридцати: склоняты кружевые налетчицы, несколько офицеров «Люфтваффе» с компаньем пыльных молодежных девчонок, и даже парочка из тех, кто вспоминает о себе как «выше молен», вырезы на шее — до подыха, на плечах перетянуты широкими музыкальными лентами. Среди них были и наши первыми. Они сели у самого входа — за первый же свободный столик, здесь же пошли сидеть генералы, а генералы — на холмистые горячие и зрачни были гро-

Автор этих строк уже очень давно не гоняет по полю футбольный мяч, да и в давней молодости не был выдающимся футболистом, хотя и играл в свое время. И все же по сей день он, как и его многие друзья, знакомые, товарищи, остается верным почитателем этой великолепной игры и не может устоять передо мною призывом в этом. Болельщик в нем, конечно, и пристрастий, но отличие от настоящих болельщиков, выступающих в игре и умеющий считаться не только с собственными интересами

и со строгими правилами футбола.

Авторы книги «Это — футбол», отрывки из которой вы сейчас будете читать, принадлежат к «европейскому племени болельщиков». Да и состав и оформка книжки человек, в прошлом сам хороший спортсмен, издавший и «Клубные футбольные команда» — Н. Л. Елинсон. И, конечно, он истинный болельщик, выступающий среди болельщиков, вместе с ними.

Лев КАССИЛЬ

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

ЗОЛОТЫЕ РЕЗЕРВЫ

До сих пор, не сколько мне известно, женщины, пристрастие к литературе, никогда не писали о футболе. Я решил нарушить это святое правило.

Я пишу о футболе, потому что мне интересна эта тема, так как не увидела ее стоящую за зрителями. О, футбольные зрители — это не просто зрители, можете мне поверить!

— Смотри-ка, сконч пропущены мяч. Эх, мне бы на его место! Я бы сперва послал явно, потом поворк...»

— Промозг! Опять промозг! Да я бы в три раза лучше был, если бы забил...

Наша команда поставила центр нападения! На мяло его! На мяло-о-о-о.

— Нет, ты только посмотри, каким черепашким шагом ляпается по полю!

И так далее и тому подобное.

Тут я отчetalенно поняла, что именно здесь, на трибунах стадиона, сидят тысячи лучших наездников, зорких вратарей и мудрецких тренеров. В трибуне сидят самые настоящие гонки ног, давая одну ошибку за другую, настоящие футболисты с сердцами, обливавшимися кровью, сидят на трибунах, отделенные от поля барьером.

До каких же пор будет существовать такое неформальное положение?

Авторизованный перевод с литовского
Ел. КАНТЕР

Юзеф ПРУТКОВСКИЙ

ВОТ ЭТО ТЕХНИКА!

Рисунки Н. ЕЛИНСОНА

Константин ВАНШЕНКИН

Особый привкус есть в осенних матчах,
Где в первом тайме, как и во втором,
Проекторы, включенные на матче,
Как будто дымятся в воздухе сырьем.

Клаубится мяк, с прожекторами споря,
Стеклат, будто вязкая смола.
Но осенние прямотолики пола,
Как поле билнарадного стола.

Осенний Футбол

Идут команды, медленно ступая,
А их сопровождает ровный гул.
Они доходят в сумраке до края,
А дальше — по земному — бегут.

Осенний матч, где многое на грани
И где полна отваги души.
Я это виду все не на экране,
А тем же горьким воздухом дыша.

Я сам болельщик, дом родной забытый,
И я судья (судить настолько чересчур!).
Он грозный форвард, с ходу гол забивший,
И я вратарь, что «смертельный» мяч берег.

Вы нас пристрастили этим корите,
Оно вам чуждо — только и всего.
Хеминуэй привережд был к корриде,
А я же почтите его.

Осенний матч... И сердце застучало.
...Как налегко по длинному пути,
Весной все опять начн начнать,
В который раз до зрелости дойти!

ФУТБОЛЬНЫЕ ТАППЫ

«Футбол — не балета — любят говорить речитативисты, любители трубы и мяча. Фотограф Анатолий Бонин решил с ними поспорить. Он считает, что когда на поле выходят настоящие мастера, футбол становится искусством, от которого зрители получают истинное наслаждение. В подтверждение своему мысли он предлагает читателям «Смены» познакомиться, так сказать, «с вещественным доказательством».

РУССКИЙ ПЕРЕПЛЯС.

Вслед за Николаем Осваниным пустился в присядку и ташкентец Максуд Шарипов.

ЛЕЗГИНКА.

Так ее трактуют Владимир Щербаков
и Вадим Сосинкин.

ГОПАК.
Солист — Анатолий Колпак.

ОДИННАДЦАТЬ ЛУЧШИХ ДЕБЮТАНТОВ

Как всегда, в конце года «Смена» называет одиннадцать лучших дебютантов прошедшего футбольного сезона. Это уже третья по счету символическая сборная команда, составленная из самых талантливых новичков большого футбола. Напомним, что многие из молодых футболистов, представляемых в двух предыдущих списках, стали теперь известными мастерами: Анатолий Башевский, Валерий Паркаки, Юрий Аверкиев, Владимир Мунтян, Анатолий Бышевец, Юрий Семин, Сергея Крамаренко и многие другие. Будем надеяться, что такая же счастливая судьба ждет и лучших дебютантов 1966 года, отобранных дебютантской «Смены» вместе с Федерацией футбола ССР.

Вратарь

Алексис АБРАМЯН

«Арарат». Ереван, 21 год, студент, киностудии, рост — 180 см, вес — 75 кг. Сыграл в первенстве ССР 33 матча.

Правый защитник

Юрий МУСИН

«Кайрат». Алма-Ата, 20 лет, учащийся, комсомолец, рост — 172 см, вес — 70 кг. Сыграл 30 матчей.

Центральный защитник

Махмуд ШЕРГЕЛАШВИЛИ

«Динамо». Тбилиси, 19 лет, учащийся, комсомолец, рост — 178 см, вес — 72 кг. Мастер спорта. Игрок юношеской сборной ССР — победительница турнира УЕФА 1966 года. Сыграл 12 матчей.

Центральный защитник

Александр СЕМИН

«Арарат». Ереван, 23 года, комсомолец, рост — 186 см, вес — 75 кг. Сыграл 35 матчей, забил 4 гола.

Левый защитник

Николай ДЕМЕТЬЕВ

СКА Ростов-на-Дону, 20 лет, военнослужащий, рост — 175 см, вес — 72 кг. Сыграл 12 матчей.

Полузащитник

Василий КУРИЛОВ

«Динамо». Минск, 19 лет, учащийся, комсомолец, рост — 173 см, вес — 68 кг. Сыграл 12 матчей.

67 кг. Мастер спорта. Игрок юношеской сборной ССР — победительница турнира УЕФА 1966 года. Сыграл 11 матчей, забил 1 гол.

Полузащитник

Анатолий НАУМОВ

«Зенит». Ленинград, 19 лет, студент, комсомолец, рост — 177 см, вес — 75 кг. Сыграл 28 матчей, забил 5 голов.

Правый крайний нападающий

Михаил ГЕРШКОВИЧ

«Локомотив». Москва, 18 лет, студент, комсомолец, рост — 170 см, вес — 69 кг. Мастер спорта. Игрок юношеской сборной ССР — победительница турнира УЕФА 1966 года. Сыграл 28 матчей, забил 6 голов.

Центральный нападающий

Наки АСАТИАН

«Динамо». Тбилиси, 19 лет, студент, комсомолец, рост — 186 см, вес — 72 кг. Сыграл 15 матчей, забил 5 голов.

Центральный нападающий

Владимир КОЗЛОВ

«Локомотив». Москва, 20 лет, студент, комсомолец, рост — 173 см, вес — 73 кг. Сыграл 35 матчей, забил 14 голов.

Левый крайний нападающий

Геннадий БЕРНИННИКИН

«Динамо». Москва, 22 года, студент, комсомолец, рост — 170 см, вес — 68 кг. Сыграл 24 матча, забил 9 голов.

СМЕНА № 5. «СОКРАЩАЙТЕ ПУТЬ К ЦЕЛИ»

В пятом номере вашего журнала был опубликован первый курс атлетизма. Мы стали заниматься атлетической гимнастикой, строго придерживаясь указаний и советов второго курса. Но давайте честно: мы были просто поражены результатами, которых добились для нас после окончания второго комплекса.

По поручению вонин дальноизвестного Е. КОСТИН.
Приморский край.

Это письмо вам пишет группа воинов.

Вот уже полгода мы занимаемся атлетизмом, и довольно плодотворно. Для своих занятий используем комплекс упражнений и советы вашего журнала. Обязательно продолжайте печатать новые комплексы упражнений.

г. Иркутск.

СМЕНА № 11, 1965. «НЕ НА КОНКУРС КРАСОТЫ»

Прочитав заметку М. Тартаковского «Не на конкурс красоты». Реально я не люблю физкультуру, но теперь все изменилось; ваша заметка меня вдохнула и заставила с некоторым интересом на нее взглянуть. И я полностью с Вами согласен в том, что никакие косметические ухищрения не могут заменить той настоящей красоты, которой можно достичь, занимаясь спортом.

Н. ЖУРАВЛЕВА, г. Энгельс.

СМЕНА № 16. «ШАГНИ ЖЕ!»

Прочитал статью М. Тартаковского «Шагни же!». Какие чудеса! Да, согласен, некоторые члены нашей команды занимаются спортом. Но называть любителей спорта, болельщиков зеваками, обывателями никто не имеет права. Да, ради матча подчас откладывают на потом, но это не значит, что это ненужные и бесполезные занятия. Но я считаю, что стадион — это тоже театр, а спортсмены — артисты.

Я против того, чтобы поспешили поспешили. Уделенческими шагами, с нетерпением жду спортивных газет, подсчитываю головы, очки, секунды, болею за македонцев «Динамо». И вот, наконец, пришло время, когда я могу показать свое страшное счастье. Пусть сотни тысяч любителей спорта ходят на спортивные площадки и стадионы, чтобы болеть за свою любимые команды, и поздравляю этих настоящих членов моей семьи, на кого находят в театре, кино, на концертах.

П. ГОРА, Иркутская область.

Прочитал статью Марка Тартаковского и задумалась. Очень хорошая и нужная статья. Автор пишет, что болельщики — это звено, которое связывает спортсмена с его зрителем. Это правда. Сан-Сан летает, у меня второй разряд в спринте. Очень люблю легкую атлетику, потому что люблю ощущение океана в супине. В 1966 году Гонго и я, помимо баскетбола, занимались волейболом. Программу в этом виде спорта были нанесены серьезные удары. Думается, что одни из причин мизерности нашего спорта — это консерватизм, вынужденное пренебрежение прогрессивной легкой атлетикой в печати (в том числе, конечно, и в «Смене»), по радио и особенно в телевидении. И вот тогда будет более много болельщиков, тогда будет выше потенциал, из которого можно черпать новые спортивные силы.

Л. СЕГАЛЬ, г. Вильнюс.

КОНЦЕРТНЫЙ ВАЛЬС.

Виталий Хмельницкий и Юрий Истомин прекрасно обходятся и без паркетного пола.

ШЕЙК.

«Танцуют» ансамбль игроков сборных ССР и Турции.

ТВИСТ.

Исполняют Анатолий Бышевец и Виктор Шустинов.

«Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все космос-солнечное пространство».

К. Э. Циолковский

Более полувека прошло с тех пор, как в одном члене научно-фантастического журнала были высказаны эти знаменитые сегодня строки. Высеченные на памятниках, воспроизведенных в бесчисленных книгах и статьях о Циолковском, они так чисто ныне повторяются, что заложенные в них глубина идеи — главной идеи величественного проекта космонавтики — горюю просто не доходит до нашего сознания.

Как, в каком это смысле человечество не останется вечно на Земле? Идет ли речь о том, что со временем человечество покинет пределы атмосферы, что вслед за первыми космическими полетами люди пересадятся на Луну, а затем на Марс и другие космические планеты? Высказывается, что исследовать их и использовать природные богатства этих тел для нужд Земли, для устройства здесь, на Земле, совершенной во всех отношениях цивилизации? Или человечеству предстоит переместиться на землю космическую, обрести «бесконечную могущество», расселиться на просторах космоса и стать в полном смысле слова космической (а не только земной) цивилизацией?

Поставленные вопросы имеют для нас, людей 60-х годов ХХ века, отнюдь не чисто теоретическое значение. От того, каким именно представляется нам будущее человечества, насколько близкое и весело (или опасно), зависит, начнут ли притягательные действия сегодня. В конце концов поведение человека во многом определяется тем, как он представляет себе свое будущее.

На притяжении веков история человечества численность народонаселения Земли неуклонно возрастила. Демографы уверяют, что в начале нашей эры во всей планете обитало не более 20 миллионов человек. В начале нашей эры во всей огромной, раскинувшейся по трем континентам Римской империи было всего 54 миллиона жителей.

К началу текущего века человечество насчитывало в своих рядах 1,6 миллиарда человек, а сейчас, в 1966 году, 3,3 миллиарда. Изучение истории народонаселения Земли, легко обнаружить, что общая численность землян растет не пропорционально времени, а неизменно быстрее. Если до начала нашей эры количество обитателей Земли удваивалось каждую тысячу лет, то в период после 1850 года удвоение происходило за 100 лет. На наше время удвоение населения Земли ожидается к

Ф. ЗИГЕЛЬ

СТАНЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО КОСМИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ?

2000 году. В будущие же столетия, если темпы прироста не сократятся, человечество будет удваиваться за 2–3 десятилетия, а затем — за несколько лет! В прошлом, 1965 году, прирост населения Земли составил 70 миллионов человек! Это означает, что каждую секунду общество землян увеличивалось на 2–3 человека, а в исходе каждого суток в его ряды вливались 150 тысяч новых граждан.

Численный рост человечества можно изобразить графически, откладывая по горизонтальной оси графика годы, а по вертикальной — число землян. Если бы общее количество землян увеличивалось пропорционально времени, то рост человечества изобразился бы на графике в виде прямой линии. На самом же деле график роста — стремительно взмывающаяся вверх кривая, называемая в математике экспонентой. Она представляет собой так называемый закон нормального роста, при котором годовой прирост пропорционален численности населения. Для человечества это означает, что человечество будет увеличиваться по закону нормального роста. Тогда высчитываются перспективы несколько неожиданных и с первого взгляда устрашающих. В самом деле, легко подсчитать, что лет через двести на всем земном шаре плотность населения станет такой же, как в Монголии. Можно сказать же столетий жизненное пространство каждого человека ограничится одним квадратным метром — сплошной массой из людей! А через полторы тысячи лет?

Надо заметить, что авторы этих оценок исходили из предположения, что годовой прирост останется на уровне 1,3 процента в течение 1000 лет. Но так ли это на самом деле, можно ли доверять поэзии этого цифри?

За первую 1900 лет нашей эры годовой прирост населения Земли не превышал 0,1 процента. Сейчас во многих странах он больше двух и даже трех процентов. Вот примеры: Индия — 2,3 процента; ОАЭ — 2,6; Турция — 3,0; Мексика — 3,4; Никарагуа — 3,6; Венесуэла — 3,8. Однако что касается развитых стран, то прирост там, как правило, не достигает двух процентов (США — 1,3 процента; Англия — 0,8; Франция — 0,7). В Советском Союзе годовой прирост равен 1,7 процента.

За последние десятилетия население Земли увеличилось на 480 миллионов человек, а к 2000 году оно, по видимому, превысит 6–7 миллиардов.

Самое, пожалуй, удивительное

в этих прогнозах то, что катастрофическое перенаселение Земли

должно наступить в обозримом будущем, то есть через какие-нибудь 200–300 лет!

Грозят ли человечеству этот «демографический взрыв», это, что движущее перенаселение нашей планеты?

Как и всякие прогнозы, предложенные «астрономической» численностью будущего человечества не обладают абсолютной достоверностью и может стать реальностью, если закон роста экспоненты сохранится и не все поклонники прогресса.

Можно однозначно представить себе и другую картину: через некоторое время (сейчас трудно сказать какое) темпы роста населения Земли замедляются, будут достигнуты «круглоговоровные рождаемости» и в конце концов на земном шаре установится постоянное число жителей. Сторонники такого подхода называют его «законом для этого «стационарного» человечества»: одни полагают, что в его рядах всегда будет 65 миллиардов человек, другие называют даже в нескольких разах большие числа. Предполагается, что человечество на всегда останется на Земле и наше племя не в состоянии покинуть ее, будет единственным домом человека.

Эта кажущаяся соблазнительной для многих перспектива приближением рассмотренных представляется нам малореальной. Дело в том, что закону роста по экспоненте подтверждены не только численность населения Земли, но и другие величины. В частности, технологическая эволюция этой цивилизации также происходит по экспоненциальному закону. И, хотя научно-технический прогресс не связан прямо с ростом численности населения, именно он, научно-технический прогресс, в первую очередь стимулирует превращение человечества в космическую цивилизацию.

За последние два века физеское количества энергии, вырабатываемое различными техническими устройствами, удваивается каждые 20 лет и ныне составляет 4×10^{19} эрг. Если так будет и вперед, через 200 лет человечество станет производить энергию в тысячу раз большую, чем теперь, что эквивалентно тепловой работе Земли. Потенциал извлечения в конце концов к типично антиатомического ядерного панцири и других пиджаков со всеми нетривиальными последствиями этого процесса (повышением уровня океана и затоплением больших пространств суши). Значит, через две века, а может быть, и быстрее, надо позаботиться о выносе энер-

гетических установок за пределы Земли, в космос.

Что же будет и наши знания. В настороженное время объем информации, черпаемый человечеством в процессе познания окружающего мира, удваивается примерно каждые 10 лет. В дальнейшем эти темпы должны увеличиться, так как и объем информации расширяется тоже же экспоненциальным законом.

Так нужно ли слишком уж усердно тормозить численный рост человечества? Не распространится ли эта «консервация» на остальные виды деятельности человечества, не придется ли отказываться от научно-технического прогресса?

В конце концов идея стабильности человеческого рода слишком плохо увязывается с безудержно рвущейся вперед человеческой натурой, с реальной, стремительно прогрессирующей нациями планетарной цивилизацией. Скорее можно предположить, что человечество имеет другую возможность — дальнейшее развитие по законам нормального роста, по экспоненте.

Устранимы ли в этом случае гравитационные экспоненты, икоскопы, с первого взгляда непреодолимые трудности, ждающие наших потомков уже в близком будущем?

На бурный характер роста населения Земли, на демографическую катастрофу, ученые социологии прошлого, и, в частности печально знаменитый английский священник Т. Мальтус. Анализируя (с позиций своего времени и своего класса) развитие человечества, Мальтус, предсказавший поэзию земного будущего, сделал такой заключение: если нет следующих факторов, народонаселение Земли увеличивается в геометрической прогрессии, тогда как средства к существованию возрастают лишь в арифметической прогрессии. «Мир, — писал Томас Мальтус, — «расходится скандией, устрашающей... но верна ли она?»» Хорошо известно, какие выводы сделали последователи Мальтуса из его «людодедского» (выражение К. Маркса) закона». С позиций мальтузянства пытались и пытаются предвидеть дебайе войны, как средство, уменьшающее прирост населения.

Порочность «закона» Мальтуса, однако, не в утверждении того, что численность населения Земли растет в геометрической прогрессии, — это исторический факт. И нельзя считать мальтузянами

СЕМЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СТРЕМИТЕЛЬНО РАСТЕТ: ОНА УДВОИТСЯ К КОНЦУ ХХ ВЕКА

КОШМАРЫ ЭКСПОНЕНТЫ

ПРОГРЕСС ОБЕЩАЕТ БЕЗДНУ МОГУЩЕСТВА

ПОИСКИ БРАТЬЕВ ПО РАЗУМУ ВО ВСЕЛЕННОЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

тех, кто, распространяя этот закон роста в будущее, обращает внимание на возможное исчезновение земного шара. Ложко другое утверждение Малтуза будто следствия существования, или (что равноценно) энергетическая и техническая вооруженность человечества, растут в арифметической прогрессии.

Факты опровергают этот основной тезис. Математические расчеты показывают, что производство энергии на душу населения земного шара со времен Малтуза непрерывно растет. Энерговооруженность человечества — основа его материального благополучия — увеличивается не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Следовательно, пресловутый «коэффициент Малтуза» противоречит реальному ходу человеческой истории.

Не должен он иметь силу и в будущем, потому что в нормальном развиивании цивилизаций (и именно так мы представляем себе будущее) экспоненты роста производства энергии будут всегда идти выше экспоненты роста населения. Иначе говоря, такое соотношение параметров этих экспонент непрерывный рост материального благосостояния каждого члена общества.

Нет, не обладают члены человеческого, а, небогород, говоря словами Циолковского, человечество в конце концов приобретет «бездну могущества». Однако если малтузянский призрак, когда не грозят человечеству, то еще вовсе не следует, что наша планета сможет всегда удовлетворять человеческим потребностям земной цивилизации.

Как рассказано выше, через несколько веков на Земле станет, по-видимому, так тесно, что расселение человечества в космосе начнется на Толеях Солнечной системы, а потом и за ее пределами — окажется процессом совершенно неизбежным. (вариант «консервации» энергии забыт, земной цивилизации не будем.)

К расселению в космосе толкают человечество ограниченные (хотя пока во многом еще не использованные) энергетические и вещественные ресурсы нашей планеты. Сегодня земные ресурсы еще очень велики и возможностями их использования далеки от исчерпания. Проблема задана по крайней мере на ближайшие десятилетия — выходит из нашей планеты максимум того, что она может дать. Нет сомнений, что даже при современном уровне техники, рационально используя

земные богатства и сушки и окиси, можно покорить гораздо большее количество лодей, чем то, которое сегодня населяет земной шар.

Однако непрерывный научно-технический прогресс человечества и рост его численности может быть обеспечен чисто земными ресурсами скромнее только на ближайший столетий.

В грядущую эпоху непрерывно прогрессирующая земная цивилизация должна неизменно опираться на просторах космоса. Вот как представляла себе К. Э. Циолковский будущее рода людского в своем грандиозном «Плане работы над созданием сближенного времени». Мы приведем лишь некоторые пункты этого плана:

«10. Вокруг Земли устраивают обширные поселения.

11. Используют солнечную энергию не только для питания и удобства жизни (комфорта), но и для перемещения по всей Солнечной системе.

12. Основаны колонии в поисках новых мест в Солнечной системе, где только находятся небольшие небесные тела.

13. Развивается промышленность и увеличивается число колоний. 14. Достигается индивидуальное (личности, отдельного человека) и общественное (социалистическое) совершенство.

15. Солнечной системы даются в стыке миллиардов раз больше теперешнего. Достигается предел, после которого неминимо расселение по всему Млечному Пути».

Если принять этот головокружительный план (первые девять пунктов которого, кстати сказать, уже осуществлены), то нельзя ли указать примерные сроки его полной реализации?

На настоящий момент человечество ежесекундно расходует энергию, равную 4×10^{19} эрг. За последние две тысячи ежесекунды ежесекундное увеличение расхода энергии (или энерговооруженность) составляло 3—4 процента в год. Поэтому, если этот тренд снизится до одного процента. Тогда наихудшие расчеты показывают, что через 3 200 лет человечество будет ежесекундно потреблять (а следовательно, и производить) такое же количество энергии, как Солнце (4 $\times 10^{24}$ эрг), а через 5 800 лет — столько же, сколько 150 миллиардов звезд нашей Галактики!

Совершенно очевидно, что в рамках Земли такое сверхмощное производство осуществить нельзя. Следовательно, человечество должно будет вырваться за пределы Земли. Как оно будет жить в космосе, какими техническими

средствами и в какой форме說話ает человек Солнечной системой, сказать сейчас трудно. Будет ли пространство сферы Циолковского—Дайсона, жаждо управляющей все солнечное излучение, или человечество создаст что-нибудь иное, мы пока не знаем. Но есть одно, что с современным человечеством в запомнившихся возможностях не ограничено прогрессом, а не видно принципиальных причин, почему бы в будущем человечеству не расселиться по всему Млечному Пути».

Было бы странно попадать, что наша земная цивилизация — единственный в всей Вселенной общества разумных существ. Даже наиболее скромные оценки показывают, что в этом смысле ученыe считывают количество высокоразвитых цивилизаций в одной нашей Галактике сотнями тысяч. Общее же количество космических цивилизаций в всей Вселенной неопределенно велико. Если это так, то остается думать, что в космосе общество разумных существ находится на разных стадиях развития. «Все фазы развития живых существ можно видеть на разных планетах», — писал К. Э. Циолковский. «Чем было человечество не сколько тысяч лет тому назад и чем оно будет по истечении нескольких миллионов лет — все можно отыскать в планетном море».

Полагая, что и внеземные цивилизации развиваются по законам нормального роста (по экспоненте), мы должны сделать вывод, что цивилизации, обогнавшие в своем развитии земную цивилизацию, неизвестно сколько лет тому назад и чем оно будет по истечении нескольких миллионов лет — все можно отыскать в планетном море».

Следует отметить, что уже можно сказать о внеземных цивилизациях, которые старше нас на тысячи или миллионы лет! Несомненно, это будет сверхцивилизации, овладевшие веществом и энергией не только своей планеты, но и всей звездной системы.

До сих пор наши рассуждения носят несколько отвлеченный, умозрительный характер. Существует, однако, принципиальная возможность опытным путем проверить, правильны или ошибочны эти рассуждения.

Хорошо известно, что любая система с внутренними источниками

ми энергии непременно должна излучать во внешнее пространство равно столько энергии, сколько дают эти источники, в противном случае температура системы катастрофически возрастет.

Этот простой физический закон распространяется на внеземные цивилизации. Если где-нибудь в космосе есть общество разумных существ с мощно развернутым производством энергии, то такие сверхцивилизации должны обнажить себя как мощные и скорее всего изворотные (то есть излучающие во все стороны источники излучения). Можно думать, что это излучение кодировано, то есть содержит в себе информацию для других цивилизаций — только в этом случае расход энергии во внешнем пространстве будет не бесполезным, а разумным и гуманным.

Расчеты показывают, что даже на дистанции светиметровой и простирающихся радиопередачи излучениями радиоволн цивилизации могут передать за короткие сроки колоссальное количество сведений (например, все знания, накопленные человечеством, можно передать в таком виде за несколько минут).

Человечество пока не может позволить себе такую дистанцию, как например радиопередачи для земных цивилизаций. Но оно уже сегодня способно на обратное — уловить и расшифровать то, что передают «Всем! Всем!» наши далекие братья по разуму. Поиски радиосигналов от внеземных цивилизаций начались всего лишь в 1959 году. Естественно, что за быстрый успех рассчитывать не приходится. Тот факт, что за последние два года были обнаружены странные и очень далекие космические радиостанции, которые характеризуют распределение энергии в космосе, и некоторое время спустя (например, радиотелескопами измеряли интенсивности радиочастот) напоминают искусственные.

Действительно ли это «испаниализирующие» сверхцивилизации или нечто совсем иное, вполне естественное, сказать пока трудно. Важно, однако, что в поиск внеземных цивилизаций включается все большее и большее число учёных. Строятся для этой цели новые мощные радиотелескопы, проводятся научные конференции. В Астрономическом институте имени Штернберга работают комиссии по межзвездным связям.

Открытие хотя бы одной внеземной цивилизации, вышедшей за пределы своей планеты и мирно осваивающей космос, несомненно, ускорит научно-технический прогресс человечества.

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ «СМЕНЫ» В 1966 году

Владимир
Аронин

Николай
Асанов

Юрий
Влодов

Михаил
Дудин

Гелий
Ковалевич

Николай
Леонов

Василий
Мишин

Евгений
Осетров

Станислав
Токарев

Элла
Черепахова

Владимир АРОНИН

— серия рисунков к стихам

[№№ 3, 7, 10, 11, 18, 20]

Николай АСАНОВ

— рассказ «Испытание страхом»

[№ 19] ✓

Юрий ВЛОДОВ

— стихи

[№ 19] ✓

Михаил ДУДИН

— поэма «Песня дальней дороге»

[№ 1] ✓

Гелий КОВАЛЕВИЧ

— текст к фотоочерку «Лес начинается с человека»

[№ 18]

Николай ЛЕОНОВ

— приключенческая повесть «Приступаю к задержанию»

[№№ 16—17]

Василий МИШИН

— фотоочерк «Сибирские каникулы»

[№ 18]

Евгений ОСЕТРОВ

— статья «Неумолчна песня России»

[№ 14]

Станислав ТОКАРЕВ

— статья «Факторы удачи»

[№ 22]

Элла ЧЕРЕПАХОВА

— документальная повесть «Записки Зои Курбатовой»
и серия очерков «Как быть? Кем быть?»

[№№ 11, 16,
17, 19, 20]

Редакция благодарит писателей, журналистов, художников
и читателей, выступивших на страницах «Смены» в 1966 году.

Первая страница обложки: Актеры Георгий Вицин, Евгений Моргулов и
Юрий Никулин в новой кинокомедии «Кавказская пленница».

Фото В. Чиглякова

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Гопубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замошник, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лазарев, Е. И. Рябчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-30-57; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-55; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-41; иностранной прессы и иностранного репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-20-30.

Художник-оформитель В. Соколов.
Технический редактор Н. Будина.

А 10443 Полислано из типографии ФХИ 1966 г. Формат бумаги 70 × 108½. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 000 000. Инд. № 2323. Заказ № 3036.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Неторопливо.

Слова
и мелодия
С. КРЫЛОВА

Когда зимний вечер
Унет тихим сном,
Сосульками ветер
Звенит за окном,
Луна потихоньку
Из леса встает
И желтым цыпленком
По небу пливет.
А в окна струится

Сиреневый свет,
На хвоях ложится
Серебряный снег,
И, словно сказники,
В ночной тишине
Хорошие сны
Прилетают ко мне.
Вы радость несите,
Хорошие сны,

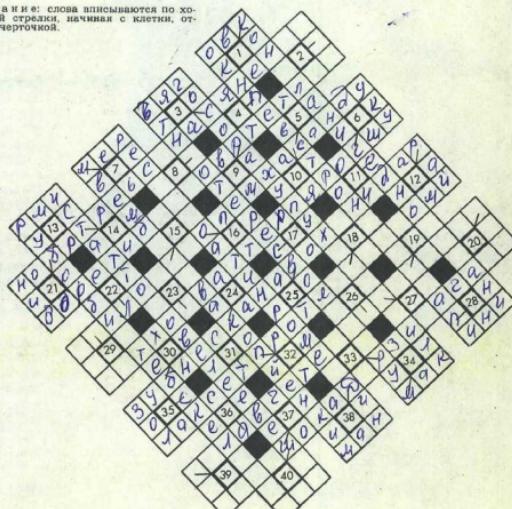
И мне расскажите
О тропах лесных.
Где все, словно
в сказке,
Где — сказка
сама —
Красавица русская
Бродит зима...
Но что это!

Снежный бушующий
шквал...
И небо погасло,
Как синий кристалл,—
То желтый цыпленок,
Что в небе гуляет,
Все белые звезды,
Как зерна, склевал.

КРОССВОРД

1. Скульптор, лауреат Ленинской премии. 2. Командир партизанского соединения, Герой Советского Союза. 3. Порт на Кубе. 4. Советский громадный город в Азербайджане. 5. Уральский. 6. Горная система в Азии. 7. Герой Советского Союза, Герой Труда Родины. 8. Народный художник СССР. 9. Персонаж романа А. С. Пушкина «Чародейка», 10. Писец А. А. Сорбонна. 11. Экзотический город в Азии. 12. Адмирал А. К. Глазунов. 13. Рассказ «Записки охотника». 14. Туристический город в Крыму. 15. Полустолица Северной Америки. 16. Командир музыкально-циркового проигрывания. 17. Город в Белорусской области. 18. Река, впадающая в Венгрийский залив. 19. Курорт в Приморском крае. 20. Кукольный предвзимник. 21. Стихотворение А. А. Твардовского. 22. Литературный сценарий фильма. 23. Разнообразные инвентарные ящики. 24. Малый южноамериканский номер в отечественном духовом инструменте. 25. Раскраска, изображающая птиц у побережья Австралии. 26. Итальянский композитор и дирижер. 27. Город в Экваториальной Африке. 28. Немецкий композитор. 29. Американский панамский прибор. 30. Трилогия Г. И. Серебрякова. 33. Декоративно-прикладный журнал. 34. Журнал для детей. 35. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 36. Группа советских рабочих-революционеров. 37. Украинский поэт и журналист. 38. Грузинский демонстрант. 39. Раздел механики. 40. Пoэт, лауреат Ленинской премии. 41. Город в Курганской области.

Примечание: слова пишются по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной чертой.

Составил Е. ТИХОНОВ,
г. Ростов-на-Дону.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ

№ 23

По горизонтали:

- «Вечеринка». 5. Эспандер. 11. Тома. 12. Пифагор. 13. Епис. 15. Гагарин. 16. Енис. 17. Багратионис. 19. Уитмен. 20. «Костер». 21. Гагарин. 22. Морионов. 23. Кедровка. 27. Пласти. 29. «Пингвины». 30. Красавица. 33. Офорт. 35. Киряноп. 37. Квадрат. 38. Винес. 39. Грибоедов. 42. Англик. 44. Анимационист. 45. Танк. 47. Солд. 48. Гарри. 49. Бриллианты. 50. Леон. 51. Антверпен. 52. Сказитель.

По вертикали:

- Варягушка. 2. Ейт. 3. Ильязан. 4. Ну-перман. 6. Сердолик. 7. Альбатрос. 9. Роттердам. 10. «Наша страна». 11. Торт. 14. Мешок. 16. Красавица. 18. Корреспондент. 20. Кабельтов. 22. Невада. 24. «Ревизор». 26. Ветеру. 27. Плюс. 28. Инст. 31. Странствия. 32. Элизиум. 34. Стоймость. 36. Вероне. 37. Красавица. 40. Фунт. 41. Снайпер. 42. Анализ. 43. Леон. 46. Кров. 47. Сорт.

Новогодняя Сказка

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

В новогоднюю ночь старый Волк особенно остро почувствовал свое одиночество. Увязая в снегу, прорываясь сквозь цепкие елки, он брал по лесу и размышлял о жизни. Да, ему никогда не везло. Самые лучшие куски у него выхватывали из-под носа другие. Волчица — и та ушла от него, потому что он мало приносил зайцев. Ох, эти зайцы, сколько из-за них неприятностей! У кого их много, тому все илючим, а у кого мало... Елки-елки...

«Елки-палки,— думал Волк,— когда же это все кончится! Никуда не денешься от этих елок, хоть из лесу беги!»

И вдруг...

Волк присел на хвост, потер глаза: неужели правда! Под елкой сидел самый настоящий, самый живой Заяц. Он сидел, склонив набок голову, и смотрел куда-то вверх, и глаза его улыбались, и усы его улыбались, словно ему там невеста что показывали.

— Кхм, кхм,— сказал Волк, желая обратить на себя внимание. Обычно, услышав это «кхмы», Заяц давал такого страканца, что продолжать разговор уже не имело смысла.

А тут — сидит. И на елку смотрят. «Интересно, что он там увидел!— подумал Волк.— Дай-ка и я погляжу». И он поднял глаза на елку. Сколько елок видел он на своем веку, но такой ему видеть не приходилось. Она вся покрылась снежинками, переливалась лунным светом, и казалось,

что ее специально убрали к празднику, хотя на ней не было ни одной елочной игрушки.

И лапы у нее были мягкие, совсем не колючие.

Бывает же на свете такое чудо!

Посмотринь — и чувствуешь,

как у тебя внутри

что-то переворачивается —

не в желудке, нет, а повыше.

— Елки-палки! — сказал Волк и замер с открытым ртом.

Он склонил голову набок —

совсем как Заяц. И ухо одно опустил.

И глаза скосил — тоже по-заячы.

Так и сидели они рядом —

Заяц и Волк — под новогодней елкой,

которая вся светилась и переливалась,

как будто ее специально убрали к празднику.

Они сидели, и оба смотрели на нее,

и внутри у обоих

что-то переворачивалось.

И Заяц впервые подумал,

что есть на свете

кое-что посильнее волков,

а Волк подумал, что, елки-палки,

честно говоря, ведь

не в зайцах счастье...

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820